

П 9098

Война.

У ФИЛИАЛ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

ПРИ УЧАСТИИ: Иды Аксельродъ, Г. Алексинскаго,
Л. Дейча, П. Дневницкаго, Марка З-ра, К. Кахели,
Ольгина, Г. В. Плеханова.

278

П. 9098

ВОЙНА.

У ФИЛИАЛ

СБОРНИКЪ СЪТЕЙ

ПРИ УЧАСТИИ: Иды Аксельродъ, Г. Алексинскаго
Л. Дейча, П. Дневницкаго, Марка З-ра, К. Кахели,
Ольгина, Г. В. Плеханова.

Еще о войнѣ. (Отвѣтъ товарищу Н—ву).

Der eigentliche Obscurantismus ist nicht, dass man die Ausbreitung des Wahren, Klaren, Nützlichen hindert, sondern dass man das Falsche in Kurs bringt.

Goethe.

San - Remo

8 мая 1915 г.

Любезный товарищ !

Съ разныхъ сторонъ на меня жестоко нападаютъ за взгляды, высказанные мною въ отвѣтномъ письмѣ къ болгарскому товарищу З. П—ву, которое было напечатано отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ «О войнѣ». Вы знаете, что я вообще не избѣгаю горячихъ полемическихъ схватокъ. Меня, наоборотъ, не разъ упрекали въ слишкомъ большой склонности къ нимъ. Но я веду полемику только тогда, когда надѣюсь, что изъ столкновенья мнѣнній брызнетъ истина. Если у меня нѣтъ такой надежды, я молчу, хотя это, можетъ быть, «духу придаетъ» нападающимъ на меня. Я не люблю тратить время на пустяки. Молчалъ я и на этотъ разъ, потому что доводы, выдвинутые противъ меня моими противниками, были ниже всякой критики. Ознакомившись съ ними, я могъ только повторить про себя восклицаніе, вырвавшееся у Бебеля на ганноверскомъ съѣздѣ германской социаль-демократической партіи: — «Es ist merkwürdig, wie wir das Denken verlernt zu haben scheinen» *)

*) «Замѣчательно, какъ мы, повидимому, разучились думать!» Впрочемъ, мы, повидимому, разучились не только думать, но также и уважать литературныя приличія. Такъ, издававшаяся въ Парижѣ газетка «Голосъ» сначала напечатала очень неумный отчетъ о моей бесѣдѣ съ русскими товарищами къ Лозанинѣ по поводу войны, а потомъ принялась раздѣлывать меня «подъ орѣхъ» на основаніи этого очень неумнаго отчета. Превосходная стратегія, сулящая много побѣдъ и одолѣній обскурантамъ, сочинявшимъ въ «Голосѣ»!..

Я не считалъ себя обязаннымъ разбирать эти жалкіе доводы. Да и слишкомъ противно, скажу больше : нравственно невозможно было бы мнѣ препираться съ ополчившимися противъ меня «неуками» и политическими недорослями, вести чернильную войну съ лягушками (чтобы употребить здѣсь образное выражение Бѣлинскаго) въ такое время, когда льются потоки крови, и, можетъ быть, надолго рѣшается судьба цивилизованнаго міра вообще и моей многострадалной родины — въ частности. Я не нарушилъ бы молчанія, если бы не Ваше письмо ко мнѣ. Въ немъ я увидѣлъ вдумчивое отношеніе къ предмету ; въ немъ мнѣ посылались мучительные запросы. И я рѣшилъ, что *Вамъ* я обязанъ отвѣтить. Но у меня на совѣсти было цѣлыхъ двѣ работы, не терпѣвшихъ ни малѣйшаго отлагательства. Поэтому мой отвѣтъ нѣсколько запоздалъ. Простите.

Я думаю, что для взаимнаго пониманія намъ нужно установить нѣкоторыя общія положенія международной политики пролетариата. Съ этой цѣлью я позволю себѣ указать Вамъ на нѣкоторые *факты* и напомнить нѣкоторыя *мысли*.

I.

Вплоть до самаго объявленія Германіей войны Россіи нѣмецкая социаль-демократія твердо и послѣдовательно держалась того мнѣнія, что отвѣтственность за приближавшуюся катастрофу падаетъ на Вѣну и особенно на Берлинъ. Я уже указывалъ на это въ своей брошюрѣ «О войнѣ». Теперь добавлю, что мое указаніе было недавно подтверждено Бернштейномъ.

Когда Австрія послала свой ультиматумъ Сербіи, «Partei-vorstand» германской соц. дем. партіи обнародовалъ воззваніе, въ которомъ, осуждая «пронски велико-сербскихъ націоналистовъ»*), онъ не колебался, однако, назвать этотъ ультиматумъ легкомысленнымъ и безпримѣрнымъ по своей грубости вызовомъ на войну (Kriegs-provokation). «Сознающій свои классовыя задачи пролетариатъ Германіи, — говорилось въ этомъ важномъ историческомъ документѣ, — пламенно протестуетъ во имя человечности и культуры противъ преступныхъ происковъ подстрекателей къ войнѣ. Онъ повелительно требуетъ отъ германскаго правительства, чтобы оно воспользовалось своимъ вліяніемъ на Австрію для сохраненія мира, а если невозможно будетъ предупредить постыдную войну (schändlichen Krieg), то воздержалось отъ всякаго участія въ ней. Ни одна капля крови нѣмецкаго солдата не должна быть принесена въ жертву властолюбивымъ

*) Объ этихъ «пронскахъ» см. ниже.

вождедвѣніямъ австрійскихъ правителей и импералистическимъ стремленіямъ къ наживѣ»*)).

Яснѣе выразаться невозможно.

Нѣмецкая социаль-демократія въ Австріи категорически утверждала, что интересы двуединой монархіи могли быть защищены мирнымъ путемъ, и что, поэтому, война отнюдь не представляетъ собою государственной необходимости**). Въ ея воззваніи не слышится, правда, того «пламеннаго» протеста, духомъ котораго пропитано было воззваніе *германской* социаль-демократіи, но, — какъ справедливо замѣчаетъ Бернштейнъ, — послѣ предъявленія Австріей *ультиматума Сербіи*, австрійскіе социаль-демократы уже лишены были возможности свободно выражать свои мысли***).

Совершенно также смотрѣли на тогдашнее положеніе дѣлъ социалисты другихъ странъ западной Европы. Англійскій «Daily Citizen», въ номерѣ отъ 27-го іюля говорилъ : «Мы рѣшительно считаемъ Австрію нападающей стороной». Брюссельскій «Peuple» говорилъ, что Францъ-Іосифъ заканчиваетъ свое царствованіе очень плохимъ дѣломъ, которое, вдобавокъ, можетъ оказаться и весьма не выгоднымъ. «Мы могли бы, — заключаетъ Бернштейнъ, — перебрать, одну за другою, всѣ страны (Land auf Land durchnehmen), и вездѣ мы нашли бы одно и то же. Социалисты всѣхъ странъ были единодушны въ страстномъ осужденіи войны и въ признаніи Австріи ея главной зачинницей*)».

Вы видите, товарищъ, что если теперь мои «проницательные» противники ссылаются на полную невозможность рѣшить, кѣмъ начата нынѣшняя война, то это объясняется именно ихъ «проницательностью». Люди, избавленные отъ такой проницательности доброй матерью-природой, — «социалисты *всѣхъ странъ*», — прекрасно знали, по свидѣтельству Бернштейна, гдѣ находятся зачинщики. И, конечно, совѣмъ не нужно было быть, — какъ говорятъ французы, — grand clerc (очень ученымъ), чтобы знать это : положеніе дѣлъ громко и ясно говорило само за себя.

Пойдемъ дальше. При указанномъ единодушіи *наканунъ общеввропейской войны* можно было ожидать, что социалисты всѣхъ странъ останутся единодушными и *послѣ того, какъ она разразится*. Ихъ единодушіе спасло бы второй Интернаціональ отъ

*) Die Internationale der Arbeiterklasse und der europäische Krieg, von Eduard Bernstein, Tübingen 1915, s. 11.

**) Тамъ же, стр. 14.

***) Тамъ же, стр. 13.

****) Тамъ же, стр. 15.

гражданской войны, а его лучшие составные элементы отъ крайне тяжелыхъ переживаній. Для этого социалистамъ всѣхъ странъ нужно было только одно: дѣйствовать сообразно ихъ собственному, твердо установленному и горячо высказанному, *убѣжденію* въ томъ, что война вызвана властолюбивыми вожделѣніями австро-германскихъ правителей и корыстолюбивыми стремленіями австрийскихъ и германскихъ империалистовъ. Могли ли наши австрийскіе и германскіе товарищи оказать поддержку *такой* войнѣ? Могли-ли они участвовать въ этомъ постыдномъ предпріятіи?

Я, — да и одинъ-ли я! — былъ глубоко убѣжденъ, что это для нихъ психологически невозможно. Вышло другое. Германскіе социаль-демократы охотно голосовали кредиты, необходимые для веденія «преступной войны», а — нѣмецко-австрийскіе, въ одномъ изъ августовскихъ №№ своего центрального органа «*Arbeiterzeitung*», провозгласили, что надо спасать «нѣмецкое человечество». «Какой, съ божьей помощью, поворотъ»? Чѣмъ онъ былъ вызванъ?

За отвѣтомъ опять обратимся къ Бернштейну, по весьма понятной причинѣ несравненно болѣе склонному къ тому, чтобы оправдывать свою партію, нежели къ тому, чтобы обвинять ее.

Отмѣтивъ, что въ Сербіи социаль-демократы, а въ Россіи социаль-демократы и трудовики *не* голосовали за военные кредиты, онъ пускается, по этому поводу, въ поучительныя соображенія.

По его словамъ, ошибочно было бы умозаключать изъ указанного имъ факта, что лѣвыя партіи въ Россіи и Сербіи мужественнѣе, идеалистичнѣе и послѣдовательнѣе, нежели нѣмецкіе и австрийскіе социальдемократы. Дѣло вполнѣ объясняется разницей положеній. «Когда голосуютъ большія партіи или партіи съ большимъ парламентскимъ вліяніемъ, на нихъ давить сознаніе связанной съ такимъ вліяніемъ практической отвѣтственности. Имъ нельзя голосовать для демонстраціи, какъ это легко могутъ позволить себѣ маленькія партіи, вотумъ которыхъ не имѣетъ непосредственнаго вліянія на ходъ дѣлъ. Въ этомъ заключается обратная сторона увеличенія парламентской силы партіи *)».

Мы съ Вами, товарищъ, гдѣ-то уже встрѣчали подобныя разсужденія. Дай богъ памяти... Ахъ, да! Въ Пушкинской «Русалкѣ».

«Что дѣлать?»

Сама ты разсуди. Князя не вольны,

Какъ дѣвицы: не по сердцу они

Себѣ подругъ берутъ, а по расчетамъ»...

*) Наз. соч., стр. 39—40.

Теперь все ясно. Теперь мы понимаемъ, почему германскіе и австрийскіе социаль-демократы повели себя въ нынѣшнюю войну не такъ, какъ Вильгельмъ Либкнехтъ и Августъ Бебель — во время войны 1870—1871 г.г. «Князя не вольны, какъ дѣвицы»... виноваты, — большія партіи не вольны, какъ маленькія. Социаль-демократія стала большою партіей въ Германіи и въ Австріи, и вотъ ей приходится разсудку сердце подчинять. «Въ этомъ заключается обратная сторона увеличенія парламентской силы партіи», прибавляетъ Бернштейнъ въ утѣшеніе своимъ читателямъ.

Печальное утѣшеніе! Подумайте только товарищъ!

При прочихъ равныхъ условіяхъ, парламентское вліяніе социаль-демократической партіи увеличивается пропорціонально росту ея организованныхъ силъ. Но если ростъ ея организованныхъ силъ неизбѣжно приводитъ къ тому, что она лишается возможности сохранить вѣрность своимъ собственнымъ принципамъ, то стоитъ-ли заботиться о томъ, чтобы росли ея силы? Не лучше-ли ей оставаться «маленькой»? Похоже на то, что — лучше! А съ другой стороны, не подлежатъ сомнѣнію, что, оставаясь «маленькой», социальдемократія никогда не осуществитъ своихъ принциповъ. Поистинѣ, безвыходное положеніе: носъ вытацишь, хвостъ увязнетъ! Неужели правы анархисты, безъ усталы твердившіе и твердящіе намъ, что социалистъ, выступившій на путь парламентской дѣятельности, тѣмъ самымъ разъ навсегда отказался отъ революціонной тактики?

II.

Анархисты ошибаются! Выступленіе социалистовъ на путь парламентской дѣятельности само по себѣ еще вовсе не равносильно отказу ихъ отъ революціонной тактики. Но они должны помнить, что не человекъ для субботы, а суббота для человека; не социализмъ для парламентской дѣятельности, а парламентская дѣятельность для социализма. Дѣятельность эта есть лишь *одно изъ средствъ*, способствующихъ достиженію конечной цѣли международнаго социализма. Кто ставитъ это средство выше этой цѣли, тотъ, въ сущности, перестаетъ быть социалистомъ. Естественно, поэтому, что въ его глазахъ теряетъ всякое значеніе тактика революціоннаго социализма. Но кто же ставилъ средство выше цѣли? Тотъ же Бернштейнъ, возвѣстившій намъ, съ высоты своей позиціи «ревиціониста», что *движеніе все, а конечная цѣль ничто*. Вотъ почему я и сказалъ въ своей брошюрѣ, что вотумъ германской социаль-демократической фракціи означалъ

побѣду праваго крыла германской с.-д. партіи надъ ея лѣвымъ крыломъ, т. е. Бернштейна надъ Каутскимъ. Съ тѣхъ поръ до меня дошелъ слухъ, что самъ Каутскій одобрилъ этотъ вотумъ. Если это и правда, то это все-таки ничего не измѣняетъ : Каутскій прошелъ подъ ярмомъ побѣдителя, — и только.

Сказанное мною о *парламентской дѣятельности* относится и къ *организациіи*. Нелѣпо и даже преступно пренебрегать ею. Она безусловно необходима для осуществленія нашей конечной цѣли. Но и она не болѣе, какъ средство. Дорожить ею больше, нежели цѣлью, можетъ только тотъ, для кого конечная цѣль уже есть «ничто», т. е. опять таки только «реви-зіонистъ».

Братъ Николая «незабвеннаго», Константинъ, бывшій нѣкогда намѣстникомъ Польши, страстно любилъ военные упражненія. Но онъ упорно добивался того, чтобы польская армія*) не принимала участія въ войнѣ (1828 г.) Россіи съ Турціей. Одинъ французскій историкъ приписываетъ ему фразу : «*je déteste la guerre, elle gâte les armées*». (Я терплю не могу войны, она портитъ войска). Германскіе «реви-зіонисты» похожи на этого своеобразнаго любителя военного дѣла. Они терпятъ не могутъ рѣшительныхъ выступленій, которыя грозятъ разстроить партійную организацию и ослабить парламентское вліяніе партіи. И когда пришла пора употребить въ дѣло огромныя силы германской социаль-демократической арміи, они добились того, чтобы силы эти въ походъ не выступали. «*Je déteste la guerre, elle gâte les armées*». По-своему, эти господа вполне правы ! **).

Но, конечно, *только* по своему. Передо мною лежитъ письмо, написанное однимъ *нѣмецкимъ* ветераномъ международнаго социализма. Этотъ ветеранъ находитъ, что социаль-демократы Германіи сдѣлали далеко не все то, что могли и должны были сдѣлать для предупрежденія войны. «Разумѣется, — говоритъ онъ, — въ такой моментъ немногого можно было добиться обычными резолюціями въ закрытыхъ помѣщеніяхъ («*in geschlossenen Räumen*»). Надо было выходить на улицу. Германская армія на одну треть состоитъ изъ социаль-демократовъ, и правительство поостереглося бы начинать войну на два фронта, если-бы социаль-демо-

*) Въ «Конгрессувкѣ» была тогда армія, отдѣльная отъ русской.

**) Ради безпристрастія прибавлю, однако, что еще до появленія «реви-зіонизма» наши германскіе товарищи избѣгали праздновать, какъ слѣдовало, первое мая. Они боялись, что, прекращая работу въ этотъ день, германскій пролетаріатъ рискуетъ разстроить свои организациіи. Такимъ образомъ, еще до появленія «реви-зіонизма» наши германскіе товарищи имѣли нѣкоторое сходство съ Константиномъ Павловичемъ. Ревизионизмъ только усилилъ его.

кратія рѣшилась бороться *противъ войны всеми средствами*. Такая борьба потребовала бы тяжелыхъ и, вѣроятно, кровавыхъ жертвъ. «Но что значили бы, — спрашиваетъ социаль-демократическій ветеранъ, — сотни славныхъ потерь въ сравненіи съ тысячами, приносимыми теперь въ жертву германскому империализму на поляхъ сраженій съ русскими и съ французами?»

Какъ видите, въ письмѣ рѣчь идетъ лишь о *тысячахъ* жертвъ, приносимыхъ Молоху империализма : оно было написано въ самомъ началѣ войны. Теперь число этихъ жертвъ, по весьма умѣренной оцѣнкѣ, превышаетъ *милліонъ*. Теперь кровь германскаго пролетаріата льется широкой и глубокой рѣкою. И теперь еще болѣе умѣстнымъ становится вопросъ : что значать, въ сравненіи съ этими безчисленными жертвами, тѣ славныя потери, которыя понесла бы германская социаль-демократія, рѣшительно объявивъ *героическую* пролетарскую войну, «*постыдной войнѣ*», затѣянной австро-германскими империалистами?

III.

«*Je déteste la guerre, elle gâte les armées*» ! Наши германскіе товарищи испугались того, что рѣшительная «*война войнъ*» испортитъ ихъ собственную армію. Это неоспоримо. Но *все-ли объясняется этимъ*? Впрочемъ, вопросъ надо поставить иначе : *почему наши германскіе товарищи боялись, что рѣшительная «война войнъ» испортитъ ихъ армію*? Только-ли потому, что такая война потребовала бы отъ нихъ кровавыхъ жертвъ и повела бы къ распушенію «именемъ закона» ихъ организаций?

Нѣтъ ! Была еще другая причина. *Руководящіе круги германской социаль-демократіи побоялись также того, что въ рѣшительной войнѣ противъ войны откажется принять участіе весьма значительное число организованныхъ германскихъ рабочихъ*. Этого опасенія, — въ связи со страхомъ передъ кровавыми жертвами, и распушеніемъ организаций, — оказалось достаточнымъ для того, чтобы они оставили всякую мысль о веденіи войны съ войною и рѣшили принять дѣятельное участіе, не токъ за страхъ, но и за совѣсть, въ войнѣ съ Россіей, Франціей, а прежде всего съ Бельгіей. Это ихъ рѣшеніе приукрашено было тѣмъ доводомъ, что германскій пролетаріатъ не можетъ не участвовать въ борьбѣ съ русскимъ царизмомъ. Какъ ничтожна была цѣнность этого довода видно изъ слѣдующаго разсужденія социаль-демократическаго «*Hamburger Echo*».

Какъ говоритъ эта газета, борьба съ царизмомъ заслуживаетъ всякаго уваженія ; но нельзя звать нѣмецкій пролетаріатъ

на войну ради такой политико-идеологической (politisch-ideologische) цѣли, какъ низверженіе царизма: «Намъ слишкомъ дорога кровь нашихъ нѣмецкихъ земляковъ (unserer deutschen Volksgenossen). Пароль: «противъ москвичины» можетъ сдѣлать эту войну болѣе симпатичной для насъ, но не можетъ ее санкционировать».

Кровь ея германскихъ земляковъ всегда была такъ дорога нѣмецкой социаль-демократіи, что она даже въ самой Германіи всегда очень старательно избѣгала рѣшительныхъ выступлений противъ политическихъ пережитковъ старины (напримѣръ, въ Пруссіи). Поэтому только совсѣмъ наивные люди могли придавать значеніе *доводу отъ борьбы съ царизмомъ* *).

Нѣсколько труднѣе было оцѣнить истинное значеніе *довода отъ національной замозащиты*. Выдвигая этотъ послѣдній доводъ, германскіе соц.-демократы ссылались на Бебеля и на Либкнехта.

Оба они, въ самомъ дѣлѣ, не разъ категорически заявляли, что *социаль-демократы нравственно обязаны защищать свое отечество*. Извѣстный Домела Ньевенгайсъ, благополучно прибывшій въ послѣдствіи въ гавань анархизма, называть ихъ за это, — напри- мѣръ, на пирихскомъ международномъ социалистическомъ съѣздѣ, — *социаль-патріотами* **). Однако, имѣютъ-ли право ссылаться на примѣръ Бебеля и Либкнехта тѣ, которые стараются оправдать нынѣшнее поведение германской социаль-демократіи?

Ни самомалѣйшаго! я не хочу снова напоминать о томъ, что какъ бы ни былъ великъ «социаль-патріотизмъ» Бебеля и Либкнехта, оба они отказались голосовать за военные кредиты въ 1870 г. Я готовъ временно допустить, что это обстоятельство не имѣетъ рѣшающаго значенія, такъ какъ можетъ быть объяснено переходящими условіями тогдашней эпохи (напр., какъ думаетъ Бернштейнъ, тѣмъ, что партія Либкнехта-Бебеля была тогда «маленькой»). Я укажу на другое.

На эрфуртскомъ съѣздѣ германской (тогда уже довольно таки *большой*) партіи Либкнехтъ былъ атакованъ такъ называвшимися «молодыми», обвинявшими его въ шовинизмѣ. И вотъ что отвѣтилъ онъ, между прочимъ, на ихъ нападки.

«Говорятъ, я сказалъ, что если на насъ нападутъ, если нужно будетъ сражаться для отраженія непріятеля, то мы го-

*) «Leipziger Volkszeitung» еще въ номерѣ отъ 3-го августа прошлаго года разоблачала лживость «анти-царистской фразеологіи», которую стала эксплуатировать военная партія. См. Лондонскую «Justice» отъ 27-го августа 1914 г.

**) Обращаю на это обстоятельство вниманіе моихъ бдительныхъ противниковъ въ вопросѣ о войнѣ, дѣлающихъ мнѣ тотъ же самый упрекъ.

товы защищать отечество. О, конечно, я заявлялъ это не одинъ разъ; это само собою разумѣется; каждый изъ насъ поступитъ такъ... Развѣ нашъ собственный интересъ не побудитъ насъ прогнать всякаго, кто вторгнется въ нашу страну, какъ прогнали бы мы грабителя, который ворвался бы въ нашъ домъ (непростительный социаль-патріотизмъ! Непостижимо, почему наши обскуранты, «спасающие интернаціональ», до сихъ поръ не предали анаемъ памяти Либкнехта Г. П.). Но я всегда прибавлялъ этимъ своимъ заявленіямъ, что война должна быть необходима, справедлива. И не всякая формально оборонительная война является такою въ дѣйствительности. Не рѣдко тотъ, кто дѣлаетъ видъ, что защищается, на самомъ дѣлѣ нападаетъ» *).

Нѣтъ истины, которой нельзя было бы воспользоваться въ цѣляхъ софистики. Зная это, Либкнехтъ предупредилъ своихъ слушателей насчетъ возможныхъ злоупотребленій понятіемъ: *национальная самооборона*. Но этимъ онъ сдѣлалъ свою мысль еще болѣе ясной: *Мы нравственно обязаны защищать свою родину, если она подвергается нападению или, другими словами, если она ведетъ необходимую, справедливую войну*. И эту мысль Либкнехта хорошо поняли, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нѣмецкихъ товарищей, пытающихся теперь оправдать свое поведение его примѣромъ. Въ указанной мною выше статьѣ «*Nam-burger Echo*» прямо говорится, что участіе германскихъ социаль-демократовъ въ нынѣшней войнѣ можетъ быть санкционировано только тѣмъ, что она имѣетъ оборонительный характеръ и ведется за самое существованіе страны (für unsere bedrohte Existenz).

Разумѣется, это совсѣмъ ненадежная «санкція», такъ какъ германскій соц.-демократическій Parteivorstand заранѣе потрудился разъяснить намъ происхождение и истинный характеръ «*постыдной войны*», начатой ради властолюбивыхъ вождельнѣй австрійскихъ правителей и ради империалистической жажды наживы. Если война изъ *постыдной* вдругъ превратилась въ *справедливую* оборонительную войну послѣ того, какъ была объявлена, то ясенъ яснаго, что дѣло тутъ не въ ея характерѣ, а въ тѣхъ «разсчетахъ», которымъ должны подчинять свое сердце князья при выборѣ невѣсты и, — если вѣрить Бернштейну, — *большія* социалистическія партіи... при парламентскихъ голосованіяхъ.

И замѣтите, товарищи: война считалась *постыдной* тогда, когда Бельгія еще не подвергалась нападению со стороны Германіи, и была признана *справедливой* оборонительной войною (см.

*) Не имѣя подъ руками протокола эрфуртскаго съѣзда, пишу по книгѣ г. Э. Мильо «La démocratie socialiste allemande», Paris 1903, p. 269.

рѣчь Гааге въ засѣданіи рейхстага 4-го авг.), послѣ того, какъ германское правительство самымъ циничнымъ образомъ погрѣло права бельгійскаго народа. И т. Гааге счесть возможнымъ оправдывать дѣйствія германскаго правительства тѣмъ, что, по признанію Интернаціонала, каждый народъ имѣетъ право на существованіе...

Какъ извѣстно, лицемѣріе есть первая уступка, дѣлаемая порокомъ добродѣтели. Стараясь «санкціонировать» нынѣшнее поведеніе германской социаль-демократіи будто-бы оборонительнымъ (для *Германиі*) характеромъ войны, «Hamburger Echo» и т. Гааге тѣмъ самымъ признають, что *только въ оборонительной войнѣ позволительно и даже обязательно дѣятельное участіе сознательныхъ пролетаріевъ*. И тутъ они вполне правы.

IV.

Мнѣ писали, что одинъ мой противникъ (изъ самыхъ «видныхъ»!), читая «рефератъ» о войнѣ на собраніи русской колоніи въ Женевѣ, воскликнулъ: подъ вліяніемъ войны старый матеріалистъ Плехановъ сдѣлался идеалистомъ; онъ взываетъ теперь къ законамъ нравственности и права. «По человѣчеству» мнѣ не хочется думать, что мой «видный» противникъ окончательно сдѣлался обскурантомъ (въ Гетевскомъ смыслѣ). Я предполагаю, что его не такъ поняли. Но какъ бы тамъ ни было, а фактъ тотъ, что, будучи матеріалистомъ, я, въ своихъ разсужденіяхъ о политикѣ сознательнаго пролетаріата, считаюсь съ нравственностью и правомъ, и къ тому же полагаю, что намъ, марксистамъ, никакъ нельзя не считаться съ ними.

Уже первый манифестъ перваго Интернаціонала, — *написанный Марксомъ*, — ставилъ рабочимъ на видъ, что они должны проникать въ тайны международнаго государственнаго искусства и наблюдать за дипломатическими подвохами правительствъ. Въ случаѣ нужды рабочимъ надо бороться противъ нихъ всѣми возможными средствами. Если рабочіе не могутъ предупредить тотъ или другой дипломатическій сюрпризъ, то имъ слѣдуетъ единодушно, одновременно и открыто протестовать противъ него. Далѣе манифестъ говорилъ, что простые законы нравственности и права, которыми опредѣляются взаимныя сношенія отдѣльных лицъ, должны также стать высшими законами, опредѣляющими взаимныя отношенія народовъ.

Какъ видно, авторъ Манифеста хотѣлъ, чтобы это его указаніе на право и нравственность явилось заключительнымъ аккордомъ его призыва рабочихъ къ объединенію.

«Борьба за такую внѣшнюю политику, — читаемъ мы въ послѣднихъ строкахъ Манифеста, — составляетъ одну изъ частей общей борьбы за освобожденіе рабочаго класса. Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!».

Г. А. Луначарскій, передавая въ одной изъ женевскихъ корреспонденцій свой разговоръ съ Ром. Роланомъ, сообщалъ, что знаменитый писатель отмѣтилъ передъ нимъ слѣдующую отрицательную сторону социалистической пропаганды:

«Мнѣ кажется, что нѣкоторые, безусловно передовыя группы человѣчества, недооцѣниваютъ понятія права и значенія правового чувства. Рабочему классу часто внушаютъ мысль, что и касающіеся его вопросы будутъ разрушены силой организациі и только. Организованныя массы, сгруппировавшіяся вокругъ знамени своего интереса и не думающія апеллировать къ обветшалой идеологіи всякаго тамъ права, кажутся или казались нѣкоторымъ недостаточнымъ фундаментомъ для коренной реформы жизни человѣчества... Я думаю, что великій грѣхъ совершенъ тѣми, кто старался подкопать и сгладить этическую сторону социального вопроса»^{*)}.

Если бы Р. Роланъ былъ лучше знакомъ съ литературой новѣйшаго социализма, онъ зналъ бы, что въ указанномъ имъ тяжкомъ грѣхѣ нельзя упрекнуть ни матеріалиста Маркса, ни тѣхъ его послѣдователей, которые *правильно* поняли *материалистическое* объясненіе исторіи. И онъ, можетъ быть, добавилъ бы, что этическая сторона социального вопроса подкапывалась и сглаживалась *на дѣлѣ* именно тѣми псевдо-социалистическими «критиками Маркса», которые *на словахъ* огорчались мнимымъ невниманіемъ марксистовъ къ «нравственному фактору».

Марксъ уже по одному тому не могъ пренебрегать этимъ «факторомъ», что былъ въ числѣ основателей Интернаціонала.

Опредѣливши великую цѣль рабочаго движенія, (экономическое освобожденіе пролетаріата), — цѣль, которой всякое политическое движеніе должно быть подчинено, какъ средство, написанный Марксомъ уставъ Интернаціонала говоритъ, что «всѣ стремленія рабочихъ къ достиженію этой цѣли оставались до сихъ поръ безуспѣшными вслѣдствіе недостатка единодушія между рабочими различныхъ отраслей труда въ каждой странѣ и отсутствія братскаго союза между рабочими различныхъ странъ»...

И что «освобожденіе рабочихъ является не мѣстной только или національной задачей, но, напротивъ, затрагиваетъ интересы всѣхъ цивилизованныхъ націй и можетъ быть достигнуто только

^{*)} «Кіевская Мысль» No 73, 14 марта 1915 г.

ихъ теоретическимъ и практическимъ содѣйствіемъ другъ другу»*)).

Но для того, чтобы стало возможнымъ это содѣйствіе; для того, чтобы въ реальной жизни, — а не только въ благородной мечтѣ, — возникъ братскій союзъ между рабочими различныхъ странъ, необходимо признаніе всемірнымъ пролетаріатомъ тѣхъ «простыхъ законовъ нравственности и права», упоминаніемъ о которыхъ многозначительно заканчивается первый Манифестъ Интернационала.

Вы знаете, что я не кантіанецъ и не люблю опираться на Канта. Но когда рѣчь заходитъ о простыхъ законахъ нравственности и права, нельзя иногда не вспомнить и объ авторѣ «Критики практическаго разума».

«Во всемъ твореніи все, что угодно и для чего угодно, имѣетъ значеніе *только какъ средство*; но человѣкъ... *есть цѣль въ себѣ самомъ*, — говоритъ Кантъ, — это именно субъектъ моральнаго закона, который святы въ силу автономіи своей свободы. Именно поэтому... каждое лицо ограничиваетъ свою собственную, на самое себя направленную волю условіями соотвѣтствія ея съ автономією разумнаго существа, а именно тѣмъ, что не подчиняется никакой цѣли, которая была бы невозможна по закону, какой могъ бы возникнуть изъ воли самого субъекта; слѣдовательно, она никогда не пользуется этимъ субъектомъ, какъ средствомъ, но всегда смотритъ на него какъ на цѣль **).

Вотъ нравственный законъ, до признанія котораго постепенно возвышается современное цивилизованное человѣчество. Имъ оправдывается, во первыхъ, борьба пролетаріата отдѣльныхъ странъ за свое освобожденіе отъ ига капитала, третирующаго рабочихъ не какъ самоцѣль, а какъ средство. И въ то же время онъ содержитъ въ себѣ основное правило «вышней политики пролетаріата»: ни одинъ народъ не долженъ разматриваться другими народами, какъ средство, каждый народъ долженъ разматриваться, какъ самоцѣль. Другими словами: каждый народъ имѣетъ право на самоопредѣленіе.

Буржуазія, провозгласившая этотъ нравственный законъ устами своихъ благороднѣйшихъ мыслителей, ***) постоянно нарушала его на практикѣ. Она побуждалась къ его нарушенію сво-

*) Коммунистическій Манифестъ указывалъ на это еще въ началѣ 1848 года: «соединеніе усилий, по крайней мѣрѣ, цивилизованныхъ странъ есть одно изъ первыхъ условій освобожденія пролетаріата».

**) Критика практическаго разума, переводъ Н. М. Соколова. СПб. 1897 г., стр. 105. — Разрядка въ подлинникѣ.

***) Дѣятельность этихъ благородныхъ мыслителей относится къ тому времени, когда буржуазія боролась за свое освобожденіе.

имъ жизненнымъ экономическимъ интересомъ. Наоборотъ, жизненный экономическій интересъ пролетаріата побуждаетъ его къ признанію этого нравственнаго закона. И не только въ томъ смыслѣ, что для него освободить себя отъ ига капитала значитъ перестать быть третируемымъ, какъ средство, но также и въ томъ, что онъ не можетъ освободить себя отъ ига капитала, не признавъ права каждого народа на самоопредѣленіе. Необходимое, для сверженія этого ига, объединеніе пролетаріевъ всѣхъ странъ становится возможнымъ только въ той мѣрѣ, въ какой они признаютъ право каждого отдѣльнаго народа на самоопредѣленіе. Признаніе этого права международнымъ пролетаріатомъ составляетъ необходимое предварительное, — психологическое и политическое, — условіе социалистической революціи. Больше того. Пока это право не признано имъ, онъ самъ не существуетъ, какъ сознательная международная сила. А пока онъ не существуетъ, какъ сознательная международная сила, до тѣхъ поръ рабочіе каждой отдѣльной страны идутъ во вышней политикѣ за буржуазіей, и до тѣхъ поръ *народъ народу — волкъ!*

Нѣмецкіе профессора и доценты любятъ читать «фортраги» на тему: «*Кантъ и Марксъ*». Но ни одинъ изъ нихъ не прочелъ фортрага о томъ, какъ соединила *экономика* новѣйшихъ обществъ рекомендованную Марксомъ «вышнюю политику пролетаріата» съ *нравственнымъ закономъ* Канта. Повидимому, Р. Роланъ тоже не отдаетъ себѣ отчета въ роковой необходимости этого соединенія!

V.

Только тотъ, кто держится точки зрѣнія сознательнаго международного пролетаріата, имѣетъ право сказать о себѣ: «человѣкъ есмь, и ничто человѣческое не чуждо мнѣ». Только въ его глазахъ понятіе: «*отечество*» не заслоняетъ собою понятія: «*человѣчество*».

Идеологи нынѣшней буржуазіи говорятъ: «right or wrong, my country». Въ вольномъ переводѣ это значитъ: «права или не права моя страна, я иду съ нею». Послѣдовательные идеологи пролетаріата находятъ, что это слишкомъ узко. Дорожа интересами своей страны, они не приносятъ имъ въ жертву интересовъ человѣчества. Вотъ почему Либкнехтъ и сказалъ, что онъ будетъ съ оружіемъ въ рукахъ защищать свою родину, *если* она ведетъ справедливую войну, т. е. *если* она *обороняетъ свои права*, а не *нарушаетъ — чужія*. Этимъ онъ показалъ свою

вѣрность завѣтамъ Интернаціонала, строго различаваго самооборону народа отъ его нападенія на другой народъ. *)

Теперь въ нѣкоторыхъ социалистическихъ кругахъ замѣчается склонность пренебрегать этимъ различіемъ. Недавно англійская «Независимая Рабочая Партія» сдѣлала на своемъ сѣздѣ такое постановленіе :

«Соціалисты всѣхъ странъ должны уговориться, что отнынѣ социалистическія партіи будутъ отказывать въ поддержкѣ всякой войны, каковъ бы ни былъ ея внѣшній характеръ, хотя бы номинально то была война оборонительная». **)

Это темно. А если война — *оборонительная не только «номинально»*? Отвѣта нѣтъ. Рѣчь председателя сѣзда Джоуэта даетъ основаніе думать, что участіе социалистовъ въ войнѣ *оборонительной по существу* дѣла было бы одобрено Незав. Раб. Партіей. Съ другой стороны, можно думать, что нѣкоторые члены этой партіи «не пріемлютъ» войны ни въ какомъ случаѣ. Очевидно, именно ихъ имѣютъ въ виду тѣ «антипатріоты» европейскаго материка, которые кричатъ, что независимая партія крѣпче всѣхъ другихъ держится завѣтовъ Интернаціонала.

Послѣ сказаннаго мною выше о томъ, какъ относился Интернаціоналъ къ оборонительной (*по существу*) войнѣ, излишне повторять, что, безусловно неприемлющіе войны, члены Независ. Раб. Партіи не спасаютъ завѣтовъ Интернаціонала, а, *напротивъ*, измѣняютъ имъ. Они несравненно ближе къ точкѣ зрѣнія Л. Толстого, чѣмъ къ воззрѣніямъ Маркса.

Толстой увѣрялъ, что не сталъ бы противиться злу насиліемъ даже въ томъ случаѣ, еслибы зулусъ на его глазахъ убивалъ его ребенка. Толстой отрицалъ насиліе и войну во всякомъ случаѣ. Но къ лицу ли социалистамъ слѣдовать примѣру Толстого? That is the question ***).

Впрочемъ, не одинъ Толстой отвергалъ войну quand même. На цюрихскомъ международномъ сѣздѣ Домела Ньевенгайтсъ требовалъ, чтобы, въ случаѣ войны, социалисты соответствующихъ

*) Такое различіе сдѣлано, напримѣръ, въ написанномъ Марксомъ Манифестѣ Генеральнаго Совѣта отъ 23 іюля 1870 г. (Die Internationale von G. Jaeschke, s. 101). Оно же играетъ большую роль въ Манифестѣ брауншвейгскаго Ausschuss'a эйзенахской партіи отъ 5-го сентября того же года. (Екк, наз. соч., стр. 102). Этотъ манифестъ тоже вышелъ изъ подъ пера Маркса.

**) Парижскія «Новости» No 212.

***) Кстати. Англійскіе марксисты долго и часто упрекали Незав. Раб. Партію въ томъ, что она не *пріемлетъ* *классовой борьбы*. Интересно было бы знать, пріемлетъ ли она ее теперь. Боюсь, что объ этомъ не нашли нужнымъ справиться ея континентальные хвалители, кичащіеся своимъ радикализмомъ.

странъ объявили военную стачку. Въ качествѣ докладчика военной комиссіи, я рѣшительно отвергъ предложеніе Домелы. Въ числѣ моихъ доводовъ былъ одинъ, который я позволю себѣ привести здѣсь.

Я говорилъ: вообразите, что вспыхнула война между двумя странами, въ одной изъ которыхъ вліяніе социалистовъ очень сильно, а въ другой — очень слабо. Что выйдетъ, если социалисты сдѣлаютъ удачную военную стачку? Мошь той страны, въ которой очень сильны социалисты, будетъ уничтожена. На оборотъ, военная мошь той страны, въ которой социалисты очень слабы, останется непоколебленной. При прочихъ равныхъ условіяхъ, побѣдитъ эта вторая страна *).

Я спросилъ бы «крайнихъ лѣвыхъ» членовъ «Незав. Рабоч. Партіи»: всегда ли выгодна для дѣла международнаго социализма побѣда той страны, въ которой социалистическая партія очень слаба, надъ тою, въ которой она очень сильна? Думаю, что далеко не всегда. А если не всегда, то не рискуютъ ли социалисты, дѣлающіе военную стачку, оказаться въ непріятномъ положеніи людей, шедшихъ въ одну комнату и попавшихъ въ другую? Не рискуютъ ли они оказать огромную, незамѣнимую услугу тому самому милитаризму, съ которымъ они хотятъ бороться?

Мы должны возставать противъ эксплуатаціи одного народа другимъ, какъ возстаемъ противъ эксплуатаціи трудящейся массы господствующими классами.

Эксплуататоръ *угнетаетъ, слѣдовательно, нападаетъ*; эксплуатируемый *стремится освободить себя отъ угнетенія; слѣдовательно, — обороняется*.

Какъ же не различать самообороны отъ нападенія?

Фейербахъ говорилъ: «Vulgos non distinguit». Я совѣтую моимъ противникамъ почаще вспоминать эти слова нѣмецкаго материалиста.

Дальше. Вообще говоря, международному социализму невыгодно пораженіе той страны, въ которой очень сильна его партія. Однако, есть условіе, при которомъ социалисты всѣхъ странъ безусловно должны привѣтствовать военную неудачу такой страны: *если война затянута этой страной ради подчиненія и эксплуатаціи страны (или странъ) менѣе развитой (развитыхъ) въ экономическомъ отношеніи*.

Мы всѣ, — за весьма понятнымъ исключеніемъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ соц.-дем. оппортунистовъ, — желали пораженія Англій

*) См. мою статью: «La question militaire au congrès de Zürich» въ одномъ изъ осеннихъ номеровъ, — не помню, въ какомъ именно, — парижской «Ere Nouvelle» за 1893 г.

въ ея войнѣ съ бурами. И никто изъ насъ, — опять за указаннымъ исключеніемъ, — никогда не желалъ успѣха капиталистическимъ странамъ въ ихъ военныхъ столкновеніяхъ съ туземцами ихъ колоній. Мы не подражали примѣру фейербаховскаго *vulgus'a*. Мы различали.

VI.

Теперь перехожу къ Вашему письму, т. Н—новъ.

Въ лицѣ какого-то Невскаго, издающаяся въ Америкѣ русская газетка «*Новый Миръ*» съ большимъ огорченіемъ повѣдала своимъ читателямъ, что я сдѣлалъ непростительную ошибку. Я, изволите-ли видѣть, «забылъ или не понялъ, что на извѣстной стадіи своего развитія капитализмъ не можетъ мириться съ тѣми государственными рамками, которыя имъ же созданы, на зарѣ своей исторіи, а стремится къ міровому господству, и что войны современныхъ государствъ, — будь то страны тройственнаго (нынѣ двойственнаго) союза или тройственнаго соглашенія, безразлично, — суть войны империалистическія» *).

Огорченная газетка, подобно *Vulgus'u*, non distinguit. Она убѣждена, что въ империалистическихъ войнахъ нѣтъ ни правыхъ, ни виноватыхъ. Я не отвѣтилъ на выходку полуграмотнаго листка. Но Ваше письмо, товарищ Н—новъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что Вы умѣете мыслить. И я тѣмъ болѣе удивился, не ожиданно встрѣтивши въ немъ странный логическій промахъ.

Вы приводите то мѣсто моей брошюры, гдѣ говорится, что поражение Россіи Германіей повело бы къ обѣдненію источника всѣхъ нашихъ освободительныхъ стремленій, такъ какъ замедлило бы экономическое развитіе нашей родины.

Вы сопоставляете это мѣсто съ тою, — у меня же изложеною, — мыслью Л. Франка, что побѣда Германіи принесла бы ей пользу въ экономическомъ отношеніи. И, основательно предполагая, что *тутъ* я согласенъ съ Франкомъ, Вы умозаключаете :

«А если это такъ, то, забывъ на минуту вопросы нравственности и права, отрѣшившись на минуту отъ интернаціональной точки зрѣнія въ пользу національной, надо согласиться, что пролетаріатъ каждой данной націи или страны заинтересованъ въ успѣхѣ империализма на родинѣ». По моему, отъ международной точки зрѣнія намъ, марксистамъ, нельзя отвлекаться даже и на минуту. И точно такъ же, ни на одно мгновеніе мы не можемъ забывать о вопросахъ нравственности и права. Это очень

*) Корреспонденція изъ Парижа въ одномъ изъ декабрьскихъ Н-овъ.

важно. Но я пока оставляю это въ сторонѣ. Сейчасъ для меня главное не въ этомъ.

Я никогда не говорилъ, что русскій пролетаріатъ заинтересованъ въ побѣдѣ русскаго империализма, и никогда этого не думалъ. А убѣжденъ, что онъ заинтересованъ лишь въ одномъ : *чтобы русская земля не сдѣлалась предметомъ эксплуатаціи въ рукахъ германскихъ империалистовъ*. А это, согласитесь, нѣчто совсѣмъ другое.

Недавно одинъ французскій литераторъ, хорошо ознакомившійся съ содержаніемъ моей брошюры, написалъ о ней замѣтку, въ которой, очень одобряя страницы, посвященные мною теперешней тактикѣ *германской* социаль-демократіи, замѣтилъ, однако, что я самъ перехожу на точку зрѣнія нашихъ бывшихъ нѣмецкихъ товарищей, какъ только принимаюсь опредѣлять задачу русскихъ социаль-демократовъ.

Я довольно долго недоумѣвалъ, какимъ чудомъ пришло это въ голову моему французскому критику.

Вѣдь въ моей брошюрѣ, — текетъ которой очень хорошо извѣстенъ ему, — прямо сказано, что я сочувствую своей родинѣ когда *она подвергается нападенію*, и не сочувствую ей, когда *она нападаетъ*.

Потомъ я понялъ, однако, гдѣ коренится ошибка моего почтеннаго критика.

Онъ — образованный и свободомыслящій человѣкъ. Но онъ не марксистъ. Онъ не привыкъ обращаться съ нашими понятіями и съ нашей терминологіей. Для него гораздо болѣе привычны понятія и термины, связанные съ тѣми освободительными движеніями, которые *предшествовали* движенію социалистическаго пролетаріата. А понятія и термины, связанные съ освободительными движеніями, предшествовавшими сознательной пролетарской борьбѣ, были, какъ Вы знаете, ярко окрашены *цвѣтомъ идеализма*. Само собою разумѣется, что общественныя движенія всегда и вездѣ имѣли подъ собой *экономическую основу*. Но прежде экономическая основа освободительныхъ движеній плохо сознавалась наиболѣе *передовыми* людьми, которые перѣдко бывали въ этомъ отношеніи менѣе проникательны, нежели сравнительно — *отсталые* *). Передовымъ людямъ казалось тогда, что, если они участвуютъ въ освободительномъ движеніи своего времени, то вовсе не ради чьего-нибудь экономическаго интереса, а единственно для защиты истины и справедливости. Кто заговаривалъ

*) Для примѣра можно было бы сопоставить взгляды французскихъ социалистовъ-утопистовъ со взглядами Гизо. Но это завело бы меня слишкомъ далеко. (См. мое предисловіе ко второму изданію моего перевода «Манифеста Коммунистической Партіи»).

съ ними объ *экономикѣ*, того они считали «*грубымъ матеріалистомъ*». Они не хотѣли, да и не умѣли, различать, о *какомъ именно* экономическомъ интересѣ толкуютъ люди, подозреваемые ими въ «*грубомъ матеріализмѣ*»: объ *интересѣ эксплуататоровъ*, или же объ *интересѣ эксплуатируемыхъ*. Имъ казалось, что въ сущности это все равно. Въ привычномъ для нихъ кругѣ понятій борьба за *экономическій интересъ* была несоединима съ борьбою за *истину и справедливость*. Этимъ и объясняется то общеизвѣстное явленіе, что не рѣдко, даже люди, полные самыхъ благородныхъ стремленій къ общественному благу, не одобряютъ программы нынѣшняго социалистическаго пролетариата, пока сохраняютъ старыя *идеалистическія понятія*, пока не умѣютъ связать экономику со справедливостью. Правильное пониманіе нынѣшняго социализма доступно только людямъ, усвоившимъ себѣ материалистическое объясненіе исторіи.

Какъ ни талантливъ и какъ ни свѣдущъ мой французскій критикъ, я не имѣю основанія считать его «*историческимъ матеріалистомъ*». Поэтому я не долженъ удивляться и тому, что онъ отождествилъ мою точку зрѣнія съ точкой зрѣнія покойнаго Л. Франка. Онъ рассуждаетъ совсѣмъ не такъ, какъ рассуждаемъ, — когда мыслимъ послѣдовательно, — мы, марксисты. Онъ слышитъ, что я, подобно Л. Франку, говорю объ *условіяхъ экономического развитія своей страны*, и рѣшаетъ, что мы съ покойникомъ — одного поля ягода. Я вижу теперь, что это для него естественно.

Но Вы — марксистъ, т. Н.—овъ. Какъ же Вы могли, хотя бы только «на минуту» упустить изъ виду, что одно дѣло — экономическій интересъ *эксплуататора*, а другое дѣло — экономическій интересъ *эксплуатируемаго*?

Неужели Вы думаете, что, если возможна экономическая эксплуатация одного класса другимъ, то экономическая эксплуатация одной страны другою принадлежитъ къ области вымысла?

На всякій случай позвольте мнѣ напомнить Вамъ, въ чемъ состоитъ природа *современнаго империализма*.

VII.

«Каждое здоровое государство... нуждается въ расширеніи предѣловъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе переизбытка населенія и промышленнаго перепроизводства. Оно должно имѣть подъ своимъ неограниченнымъ вліяніемъ соответствующую его величинѣ область меньшаго культурнаго развитія, куда оно могло бы сбывать безпошлинно и безъ конкуренціи перепроизводство своей

промышленности, откуда оно также безпошлинно и дешево получало бы сырье».

Это писалъ, года два тому назадъ, одинъ австрійскій империалистъ, выступившій подъ псевдонимомъ: «Кассандеръ» (Кассандра). Примѣняя къ Австріи это свое общее теоретическое положеніе, вѣщая дѣла разсуждала такъ:

«Мы имѣемъ огромную необходимость въ вывозѣ, но мы ничего не дѣлаемъ, чтобы сдѣлать возможнымъ этотъ вывозъ». Что же собственно слѣдуетъ предпринять? Хорошо было бы завести колоніи; но такъ какъ «ни одной заморской колоніи получить уже нельзя», то надо воспользоваться тѣмъ, что «положила у нашихъ дверей благоприятствующая намъ судьба». А положила она Балканы. Австрія имѣетъ полную возможность и должна пріобрѣсти господство на Балканахъ. Она совершаетъ большую ошибку, безучастно смотря на то, какъ растетъ на ея южной границѣ Велико-Сербское государство. Она должна всѣми мѣрами и всѣми силами готовиться къ войнѣ. «Дайте ружье въ руки отрока и вооружите старца! — вопила Кассандра. — Вооружайтесь безпрестанно и лихорадочно, вооружайтесь днемъ и ночью, чтобы быть *готовыми*, когда наступитъ день рѣшенія!... Наша политика должна удержатъ враговъ еще на 2—3 года, пока мы не будемъ готовы и не сможемъ крикнуть: Балканы пужны намъ и мы ихъ возьмемъ, а кто станетъ намъ поперекъ дороги, того мы отправимъ домой съ окровавленной головой!»*).

Австрійская Кассандра не дурно понимаетъ природу современнаго империализма. Въ своемъ взглядѣ на него она вполне сходится съ нами, марксистами. Вы, вѣроятно, знаете сдѣланное Каутскимъ опредѣленіе империализма:

«Империализмъ есть продуктъ высоко-развитого промышленнаго капитализма. Онъ состоитъ въ стремленіи каждой промышленной капиталистической націи подчинять и присоединять къ себѣ все большую и большую аграрную область, не считаясь съ тѣмъ, какія націи ее населяютъ**).

Австрія, разумѣется, не считалась съ интересами сербскаго народа. Она повиновалась только властолюбію своихъ правителей и корыстолюбію своихъ империалистовъ. Побѣда Австріи, окон-

*) Русский переводъ этой статьи Кассандры появился въ журналѣ «Военное дѣло за границей», 1914 г. кн. за мартъ-апрѣль. Ея содержаніе подробно передано въ «Ежемесячномъ журналѣ», августъ-сентябрь, 1914 года, статья А. М. («Австріецъ о задачахъ австрійскаго империализма»).

**) «Neue Zeit», XXXII, 2, s. 909. Ср. также брошюру Каутскаго: «Nationalstaat, imperialistischer Staat und Staatenbund», Nurnberg, 1915, s. 15.

чательно подчинивъ австрійской эксплуатаціи Сербію, замедлила бы экономическое развитіе этой послѣдней. И было бы вполне естественно, если бы сознательные элементы сербской трудящейся массы сказали: мы всѣми силами будемъ защищать нашу страну, потому что замедленіе экономического ея развитія вредно отразится на всемъ ходѣ ея политическаго и вообще культурнаго развитія. И, слыша это, никто не имѣлъ бы права утверждать, что сознательные элементы сербскаго населенія сами перешли на точку зрѣнія австрійскихъ имперіалистовъ.

Еще разъ: *точка зрѣнія того, кто стремится эксплуатировать, прямо противоположна точкѣ зрѣнія того, кто стремится сбросить съ себя иго эксплуатаціи*. Это должно быть ясно даже для Невскаго.

Резолюція базельскаго международнаго социалистическаго съѣзда 1912 г. гласитъ:

«Социаль-демократическія партіи Австріи, Венгрии, Кроаціи и Славоніи, Босніи и Герцеговины обязаны со всею энергіею продолжать свою борьбу противъ нападенія придунайской монархіи на Сербію. Ихъ задача заключается въ томъ, чтобы и впредь бороться противъ плана силою оружія лишить Сербію результатовъ войны, превратить ее въ австрійскую колонію» и т. д.

Базельская резолюція была подписана также и делегатами Австро-Венгрии. Они забыли о ней, когда, — благодаря той же Австро-Венгрии и Германіи, — началась нынѣшняя война. Но мнѣ хочется думать, что Вы, товарищъ, не такъ забывчивы.

Я знаю, что сербскіе социалдемократическіе депутаты отказались голосовать за военные кредиты. Но ни откуда не слѣдуетъ, что эти наши товарищи не способны заблуждаться. Ихъ вотумъ можно признать правильнымъ лишь при одномъ предположеніи: если онъ выражалъ ихъ увѣренность въ неспособности сербскаго королевскаго правительства защитить страну отъ австрійскаго нашествія. Если же онъ былъ имъ подсказанъ тѣмъ убѣжденіемъ, что социалисты никогда не должны быть за войну, то они жестоко ошиблись.

Въ данномъ случаѣ право было на сторонѣ ихъ отечества, а тотъ не революціонеръ, кто не рѣшается поддержать *право силой*.

Но, — твердятъ мои противники, — защищая свою страну, социалисты идутъ съ ея господствующими классами. Жалкій аргументъ! Отказавшись защищать свою страну, социалисты ослабятъ ея силу сопротивленія непріятелю, т. е. *сослужатъ службу господствующимъ классамъ нападающаго государства*.

И тутъ и тамъ — одно и тоже зло. Социалистамъ остается только *выбирать — наименьшее*.

Само собою ясно, что для сербскихъ социалистовъ наименьшимъ зломъ было сотрудничество съ господствующими классами своей собственной страны въ дѣлѣ защиты ея отъ несправедливаго нападенія Австро-Венгрии.

Толкуютъ также о «проискахъ великосербскихъ патріотовъ». Вы помните, товарищъ, что «происки» эти «осуждены» были въ воззваніяхъ германской и австро-нѣмецкой социаль-демократіи, въ воззваніяхъ по поводу готовившейся войны. Я согласенъ, что въ интересахъ общеевропейскаго мира можно было осудить эти «происки». Но теперь, когда война *уже ведется*, пора бы вспомнить, что въ проискахъ этихъ выражается стремленіе сербскаго народа къ объединенію и что *въ принципѣ* мы, социалисты, должны сочувствовать такому стремленію, а не осуждать его. Указываютъ еще на убійство австрійскаго эрцгерцога. Я никогда не былъ террористомъ. Но я не вижу, почему мы должны были бы огорчаться смертію этого наслѣдника австрійскаго престола.

Да и кто не знаетъ теперь, что его убійство было не *причиной* войны, а лишь *предлогомъ* къ ея объявленію? Въ итальянскомъ парламентѣ Джіолитти во всеуслышаніе рассказалъ, что уже въ 1913 г., когда эрцгерцогъ былъ здоровехонекъ, Австро-Венгрия освѣдомлялась, поддержитъ-ли ее Италія, въ замышленномъ ею нападеніи на Сербію. Италія отказалась, сославшись на то, что, по смыслу тройственнаго союза, она обязана была поддерживать Австрію и Германію въ *оборонительныхъ*, а не въ *наступательныхъ* войнахъ. Изъ этого видно, замѣчу мимоходомъ, что итальянское правительство гораздо проникательнѣе многихъ нашихъ товарищей, которые, по ихъ собственному признанію, не видятъ, гдѣ нападеніе и гдѣ оборона. Охъ, слѣпота большой порокъ!

За Австро-Венгріей стояла Германія, добивавшаяся экономического господства въ Турціи и особенно — въ Малой Азіи. Сербія загораживаетъ ей дорогу къ этой ея цѣли. Германскимъ имперіалистамъ нужно было (*посредственно или непосредственно*) наложить руку на ту часть желѣзнаго пути: *Берлинъ—Богдадъ*, которая проходитъ черезъ Сербію. Достаточно взглянуть на карту балканскаго полуострова, чтобы понять, откуда — нынѣшняя война. Правда общеевропейской войны все-таки не было бы, если бы Россія не ополчилась на защиту Сербіи. Съ точки зрѣнія общихъ интересовъ европейской цивилизаціи было бы, пожалуй, лучше (если бы Россія осталась спокойной). Но это, *чисто утилитарное*, соображеніе не должно насъ ослѣплять. Бернштейнъ говоритъ въ своей брошюрѣ: «Was Russland für Serbien verlangte deckte sich so ziemlich mit den Forderungen der Internationale der

Sozialdemokratie» (то, чего Россія требовала для Сербіи, почти совсѣмъ совпадало съ требованіями социаль-демократическаго Интернаціонала *). Это какъ нельзя болѣе вѣрно. Россія требовала *международнаго третейскаго суда*, котораго требуютъ едва-ли не всѣ социаль-демократическія программы. И Сербія выразила полную готовность подчиниться такому суду. Но Бернштейнъ прибавляетъ, что, когда двое говорятъ одно и то же, это не одно и то же. Опять правильно: не одно и то же. Потому, что не одно и то же — и сами говорящіе. Но какое же значеніе могло имѣть это въ разсматриваемомъ случаѣ? Конечно, Россійская имперія — не одно и то же съ социаль-демократическимъ Интернаціоналомъ. А развѣ Австро-Венгерская и Германская имперіи одно и то же съ нимъ? Только сумасшедшій можетъ вообразить, что мы живемъ въ *соціалистическомъ* обществѣ. Но вѣдь требованіе международнаго третейскаго суда входитъ въ *программу* — *минимумъ* соц.-дем. Интернаціонала, т. е. предъявляется имъ къ *нынешнему* обществу. А если это такъ, то онъ обязанъ былъ поддерживать «то, чего Россія требовала для Сербіи».

VIII.

Тутъ опять начинается сказка о бѣломъ бычкѣ: борьба съ царизмомъ; русская опасность для Европы и проч.

Мы уже знаемъ, что именно наиболѣе воинственные соц.-демократы Германіи, — въ родѣ тѣхъ, которые пишутъ въ «Hamburger Echo», — сами не признаютъ рѣшающаго значенія за *доводомъ отъ борьбы съ царизмомъ*. А что касается Европы, то современный германскій промышленный империализмъ несравненно опаснѣе для нея теперь, нежели ветхо-завѣтный-русскій. Австрія стала колебаться. Передача ея спора съ Сербіей на рѣшеніе третейскаго суда сдѣлалась возможной. Германія, не хотѣвшая мира, поспѣшила объявить войну Россіи. Тогда то и произошло то, чего не ожидалъ никто изъ насъ. Наши нѣмецкіе товарищи сказали себѣ, подобно карабинерамъ во французской опереткѣ: c'est le moment de nous montrer, cachons nous! (Пора намъ показаться, — спрячемся!). И спрятались, объявивъ постыдную войну, вызванную империалистической жадной наживы, *справедливой борьбой за существованіе нѣмецкаго народа*. Существованіе существованію рознь. Существованіе хищника не похоже на существованіе мирнаго человѣка. А Германія выступила именно въ роли хищника.

«Sie sind zu spät gekommen», говорилъ когда то Энгельсъ

*) Die Internationale, s. 15.

по адресу нѣмецкихъ буржуа. Въ его устахъ это значило, что средній классъ Германіи неспособенъ довести до конца свою политическую борьбу съ юнкерствомъ. Это было вѣрно. Названная борьба закончилась компромиссомъ между юнкерствомъ и буржуазіей. Въ области экономической политики этотъ компромиссъ ознаменовался покровительственными пошлинами на продукты сельскаго хозяйства, — *введенными въ интересахъ юнкеровъ*, — и такими же пошлинами на продукты обрабатывающей промышленности, *установленными для охраны интересовъ промышленной буржуазіи*. Теоретикъ покровительственной системы Фридрихъ Листъ доказывалъ, что она необходима для развитія производительныхъ силъ страны, но лишь до поры до времени. Когда производительныя силы достигнутъ известной высоты, полезно и нужно перейти къ свободѣ торговли. Современные германскіе «капитаны промышленности» иначе относятся къ покровительственной системѣ. Производительныя силы Германіи поднялись теперь на огромную высоту. Но «капитаны», объединившіеся въ предпринимательскіе синдкаты, и слышать не хотятъ объ отмѣнѣ покровительственнаго тарифа. Они пользуются имъ, во-первыхъ, для того, чтобы охранять отъ иностранной конкуренціи *внутренній рынокъ* Германіи, а во-вторыхъ для того, чтобы, подъ его прикрытіемъ, завоевывать *иностранные рынки*. Известно, какъ это дѣлается. Покровительственный тарифъ, ослабляющій иностранную конкуренцію на внутреннемъ рынкѣ, позволяетъ синдкатамъ продавать за границей германскіе товары гораздо дешевле, чѣмъ въ самой Германіи. Такъ совершается мирное завоеваніе иностранныхъ рынковъ. Но производительныя силы передовыхъ капиталистическихъ странъ растутъ теперь такъ быстро, что *мирное* завоеваніе иностранныхъ рынковъ не всегда удовлетворяетъ ихъ потребность въ сбытѣ. Отсюда — указанное Каутскимъ и австрійской Кассандрой стремленіе передовыхъ промышленныхъ странъ *силой* обезпечить себѣ преобладающее экономическое вліяніе въ тѣхъ или другихъ аграрныхъ областяхъ.

Стремленіе это еще дальше усиливается тѣмъ, что руководящее значеніе въ жизни передовыхъ капиталистическихъ странъ все болѣе и болѣе приобретаетъ теперь *финансовый капиталъ*, по самой природѣ своей гораздо болѣе склонный къ авантюрамъ, нежели — *промышленный*.

Резолюція лондонской социалистической конференціи говорить, что отвѣтственность за современную войну падаетъ на всѣ европейскія правительства, такъ какъ всѣ они вели империалистическую политику. Это такъ. Всѣ *передовыя* капиталистическія государства повинны въ империализмѣ новѣйшаго рода. Однако

и тутъ надо различать. Ошибся бы тотъ, кто вообразилъ бы, что всѣ капиталистическія страны въ *одинаковой мѣрѣ прибѣгаютъ къ насилію*. Нѣтъ, тутъ между ними не малая разница. Можетъ быть, даже г. Невскій слыхалъ, что, напримѣръ, *англійскій* имперіализмъ сильно отличается въ этомъ отношеніи отъ *германскаго*. Не говоря уже о томъ, что области, подчиненныя Англіи, пользуются гораздо большей экономической и политической свободой, нежели области, въ которыхъ «культура» насаждается нѣмецкимъ «бронированнымъ кулакомъ», германскій имперіализмъ вообще гораздо воинственнѣе англійскаго. Это обуславливается, конечно, не свойствами германской расы, а тѣмъ простымъ историческимъ обстоятельствомъ, что германскій капитализмъ «*пришелъ слишкомъ поздно*». Вспомните, что говорила австрійская Кассандра: на земномъ шарѣ уже нѣтъ свободныхъ земель; поэтому мы должны взять Балканы, раскрывавивъ голову тому, кто вздумалъ бы противиться этому.

Но если германскій имперіализмъ воинственнѣе всякаго другого, то ясно, что онъ болѣе, нежели всякій другой, угрожалъ европейскому миру. Очень жаль, что лондонская конференція не отменила этого въ своей резолюціи.

Европейскій пролетаріатъ заинтересованъ въ сохраненіи мира. Поэтому онъ не можетъ оставаться равнодушнымъ къ вопросу о томъ, какое государство больше и чаще другихъ грозитъ нарушить миръ. А когда *угроза становится дѣйствіемъ*, когда то или другое государство, повинувшись корыстолюбію своихъ имперіалистовъ, начинаетъ войну, тогда противъ него должно быть направлено негодование *сознательнаго пролетаріата всѣхъ странъ*.

Мы съ Вами, товарищъ, знаемъ, какія именно страны явились нарушителями мира: это превосходно разъяснилъ намъ Vorstand германской с.-д. партіи. Но Вы, можетъ быть, все таки не представляете себѣ, во всемъ ихъ объемѣ, тѣхъ экономическихъ и политическихъ послѣдствій, которыя повело бы за собою пораженіе «союзниковъ», т. е. Франціи, Россіи, Англіи и проч.

Въ разговорѣ съ великобританскимъ посланникомъ въ Берлинѣ, Гошэномъ, германскій канцлеръ, желая подвинуть Англію къ сохраненію нейтралитета, увѣрялъ его, что Германія не стремится къ территориальнымъ пріобрѣтеніямъ на счетъ Франціи. Гошэнъ спросилъ: считаетъ-ли Германія возможнымъ отнятіе у Франціи ея колоній? На это канцлеръ отвѣтилъ уклончиво, что бы оставить за собой свободу дѣйствій.

Оно и понятно: отнятіе у Франціи ея колоній входило въ планы Германіи. Но вопреки тому, что сказалъ Бетманъ Гольвэгъ Гошэну даже въ томъ, что касалось Франціи, планы эти были

несравненно шире, нежели присвоеніе французскихъ колоній. Въ сентябрѣ прошлаго года, когда нѣмцы были твердо увѣрены въ своей побѣдѣ, они собирались продиктовать Франціи слѣдующія условія мира:

Франція уступаетъ Германіи всѣ свои колоніи, со включеніемъ Марокко, Туниса и Алжира; она уступаетъ ей также болѣе четверти своей территоріи въ Европѣ съ населеніемъ болѣе 15 милліоновъ душъ; она уплачиваетъ ей золотомъ десять милліардовъ франковъ; она заключаетъ съ ней торговый договоръ, на основаніи котораго, въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, германскіе товары беспошлинно ввозятся на ея территорію, причемъ, однако, Франція не получаетъ такого же права по отношенію къ Германіи; послѣ двадцати пяти лѣтъ входитъ въ силу франкфуртскій торговый договоръ 1871 г.; въ теченіи двадцати пяти лѣтъ во Франціи прекращается призывъ гражданъ къ отбыванію воинской повинности; Франція разрушаетъ всѣ свои крѣпости; она доставляетъ Германіи три милліона ружей, три тысячи пушекъ и сорокъ тысячъ лошадей; въ теченіи двадцати пяти лѣтъ Германія пользуется во Франціи (безъ взаимности) правомъ патентовъ; Франція разрываетъ свой союзъ съ Англіей и Россіей и заключаетъ на двадцать пять лѣтъ союзъ съ Германіей*).

Если бы осуществился этотъ планъ жадныхъ германскихъ акулъ, то пришлось бы воскликнуть:

Finis Galliae!

Какъ Вы думаете, товарищъ, могли ли французскіе социалисты отказаться защищать свою страну, когда Германія готовила ей этотъ конецъ! И не грѣшатъ-ли непростительнымъ грѣхомъ противъ права каждаго народа на существованіе; **) не говорятъ-ли дикаго и преступнаго вздора тѣ наши обскуранты, которые не хотятъ примириться со вступленіемъ Гада и Самба въ министерство?

Обскуранты старательно разогрѣваютъ ту мысль анархистовъ (извѣстнаго оттѣнка), что пораженіе любой капиталистической страны вредно отразится только на интересахъ ея буржуазіи. Опять вздоръ! Если бы германскія акулы сожрали французскую республику, то отъ этого больше всего пострадало бы именно трудящееся населеніе Франціи. Французскіе буржуа, — точнѣе:

*) См. статью: «Il problema dellea Pall» въ «Il Secolo» XIX за 28 апрѣля 1915 г.

**) Права, признаннаго въ нашей программѣ.

французскіе капиталисты, — съумѣли бы приспособиться и къ германскому игу. Известно, что и до войны значительная часть французскаго капитала работала въ германскихъ предпріятіяхъ *).

Вы, конечно, предполагаете, что въ той части французской территоріи, которая отошла бы къ Германіи, у населенія остались бы, по крайней мѣрѣ, права по имуществу, согласно обычаю, установившемуся во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Ошибаетесь! Одной изъ составныхъ частей «*Великой Дѣли*», преслѣдуемой германскими имперіалистами, было *обезземеленіе жителей тѣхъ территорій, которыя были бы отняты у побѣжденныхъ Германіей странъ* **). Добродушные нѣмцы находили, что Франція даже *выиграетъ*, благодаря осуществленію этого геніальнаго плана, такъ какъ ея населеніе станетъ гуще вслѣдствіе прилива въ нее жителей изъ уступленныхъ ею Германіи провинцій.

Что касается насъ, русскихъ, то германскіе имперіалисты очень кстати вспомнили, какую большую роль играло переселеніе на новыя мѣста во внутренней исторіи нашей родины. Одержавъ побѣду надъ Россіей, Германія присвоила бы себѣ русскую Польшу, жители которой были бы переселены въ Россію. Въ свою очередь, Россія очистила бы для изгнанныхъ изъ Польши поляковъ, нѣсколько своихъ губерній. Это было бы не трудно для нея въ силу только что упомянутой привычки россиянъ къ переселеніямъ на новыя мѣста ***).

Интересная подробность: согласно этому плану, Германія никоимъ образомъ не должна брать на себя *odium* обезземеленія жителей тѣхъ мѣстностей, которыя она завоюетъ на Западѣ и на Востокѣ. Это гнусное дѣло должно быть совершенно *самими побѣжденными странами прежде, чѣмъ имъ дарованы будутъ блага мира*. Значить, Россія уступила бы Германіи не Польшу, а болѣе или менѣе обширную пустыню, которую прежде населяли поляки и которая теперь, русскими руками, будетъ приготовлена для поселенія въ ней нѣмецкихъ завоевателей.

Finis Poloniae!

Излишне гадать о томъ, какой великолѣпный торговый до-

*) См. Lysis'a: «Les capitalistes français contre la France» и его же: «Contre l'oligarchie financière en France».

**) Das ist das grosse Ziel: nicht lediglich eine Kriegsentschädigung im Baargeld sondern vornehmlich eine Kriegsentschädigung auch in Landeigentum! (См. 35 стр. брошюры Arthur'a Dix'a: «Der Weltwirtschaftskrieg, изданной съ благословенія Georg'a Irmer'a, Karl'a Lamprecht'a (!) и T. von List'a (!) въ серіи—«Zwischen Krieg und Frieden».

***) Dix, der Weltwirtschaftskrieg, стр. 33—41.

говоръ подарили бы намъ наши великодушные побѣдители. Вы легко можете представить себѣ это и послѣ того, что сказано выше о проектѣ договора съ Франціей.

Татарское иго замедлило наше экономическое, а съ нимъ и все культурное развитіе. Оно вызвало къ жизни нашъ царизмъ. Нѣмецкая побѣда остановитъ наше экономическое развитіе, положитъ конецъ европеизаціи Россіи и увѣковѣчитъ нашъ старый политическій порядокъ.

Для увѣковѣченія стараго порядка достаточно будетъ того политическаго союза съ Германіей, который навяжутъ намъ побѣдители. Германскій императоръ, конечно, позаботится о томъ, чтобы сохранить «полноту власти» за своимъ новымъ вассаломъ — русскимъ царемъ.

Finis Rutheniae!

Конецъ Россіи! Всей той Россіи, которая трудилась и мыслила, страдала и боролась за лучшее будущее, — боролась съ Мясоѣдовыми, Дубровинными и Столыпинными, съ измѣнниками, погромщиками и реакціонерами.

И наши обскуранты хотятъ, чтобы я оставался равнодушнымъ въ виду такой перспективы? За кого же принимаютъ они меня?? Я еще не опредѣлялся на службу къ акуламъ германскаго имперіализма; я еще не вступалъ въ «Союзъ освобожденія Украйны». *Россія принадлежитъ не царю своему, а своему трудящемуся населенію. Кому дороги интересы этого населенія, тотъ не можетъ быть равнодушенъ къ судьбамъ Россіи.*

IX.

«Не защищать свою страну отъ нѣмецкаго нашествія, а дѣлать революцію должны мы въ нынѣшнее роковое время!».

Такъ говорятъ нѣкоторые мои противники. Они отчасти правы: революція — прекрасная вещь. Но революція предполагаетъ революціонизированіе общественныхъ отношеній. Это цѣлый процессъ. И теперь дѣло идетъ именно о томъ, чтобы германскіе имперіалисты не поставили процесса революціоннаго развитія Россіи въ такія условія, при которыхъ онъ сойдетъ, какъ говаривалъ намъ сдѣлать революцію, «назначивъ» ее на конецъ іюля или на первыя числа августа. Такая «революція» лучше всего характеризуется терминомъ Игоря Сѣверянина: «*гресо-фарсъ*». И этотъ-то «гресо-фарсъ» опять рекомендуется намъ нашимъ неудержимымъ р-р-революционеромъ. Какъ относится къ его «гре-

зо-фарсу» сознательный пролетариатъ Россіи, — наглядно и убѣдительно показываетъ недавній процессъ нашихъ товарищей — депутатовъ. Устами одного изъ своихъ защитниковъ, они назвали *позорящимъ* обвиненіе ихъ въ томъ, что они смотрятъ на вопросъ о нынѣшней войнѣ глазами женеваго «*Соціалдемократа*» *).

Война бывала иногда матерью революціи. Но всякій разъ, когда революція рождалась въ мукахъ войны, она была плодомъ разочарованія народа въ способности его правительства защитить страну отъ непріятеля. Единственно къ такому разочарованію можетъ быть приурочена истинно революціонная тактика военнаго времени. Горе мнимымъ революціонерамъ, направляющимъ свою агитацію въ разрѣзъ съ естественнымъ и неизбѣжнымъ стремленіемъ народа дать отпоръ внѣшнему врагу! Всѣ ихъ успѣха заранѣе осуждены на постыдную и, что еще хуже, — вполне заслуженную неудачу.

Акулы германскаго имперіализма говорятъ такимъ циничнымъ языкомъ, что къ нему никакъ не могутъ привыкнуть даже самые... расчетливые нѣмецкіе соціалъ-демократы. Такъ, Шейдеманнъ не одобряетъ языка Пааше. Онъ даетъ понять, что его единомышленники въ с.д. партіи не желаютъ насильственныхъ территоріальныхъ присоединеній. Это можетъ быть и такъ. Но тутъ особенно умѣстно опять повторить съ Бернштейномъ: когда двое говорятъ одно и то же, это не одно и то же. Когда я слышу, что т. Шейдеманнъ «пламенно» отвергаетъ мысль о насильственныхъ территоріальныхъ присоединеніяхъ, я говорю себѣ: «Онъ боится, что Эльзасъ и Лотарингія будутъ присоединены къ Франціи. О судьбѣ Бельгіи и занятыхъ нѣмцами губерній русской Польши врядъ-ли очень заботится т. Шейдеманнъ» **).

Да еслибы и заболѣлся, толку изъ этого вышло бы не много. Германскіе соціалъ-демократы охотно помогали тѣмъ, которые выпускали противъ насъ хищнаго звѣря. А теперь они успокоительно и великодушно говорятъ намъ: «повѣрьте, мы не желаемъ, чтобы онъ васъ растерзалъ». Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же было выпускать его изъ клѣтки?

*) Если я не ошибаюсь, Ленинъ объясняетъ это не тѣмъ, что депутаты были несогласны съ нимъ, а тѣмъ, что они не рѣшались высказать на судъ свое истинное мнѣніе, такъ какъ имъ грозили смертной казнью. Я гораздо лучшаго мнѣнія объ этихъ товарищахъ. Почему бы Ленину не сказать, что вся Россія въ душѣ согласна съ нимъ и не держится рекомендуемой имъ тактики единственно *страха ради полицейскаго*?

**) Часть нѣмецкой соціалдемократіи питаетъ наивную увѣренность въ томъ, что население Эльзаса и Лотарингіи желаетъ остаться въ германскомъ подданствѣ. И это послѣ всѣхъ еще памятныхъ волненій въ Саверигъ!

Притомъ вопросъ не только въ насильственныхъ присоединеніяхъ. Какъ сообщила «l'Humanité», пресловутый Зюдекунъ, говоря противъ территоріальныхъ присоединеній, замѣтилъ, что Германія можетъ вознаградить себя торговыми договорами. Что правда, то правда! Очень и очень можетъ. Et cetera promett....

Стыдно сказать, а грѣхъ утаить: многіе германскіе соціалъ-демократы заражены духомъ имперіализма. Вдумайтесь въ поведение Зюдекума или прочтите брошюры Гейниша, Ленша и Кунова. Наибольшаго вниманія заслуживаетъ этотъ послѣдній. Куновъ — не только образованный, а прямо ученый человекъ. Онъ съ успѣхомъ примѣнялъ методъ Маркса въ области этнологіи и вообще былъ послѣдовательнымъ марксистомъ. И вотъ теперь этотъ ученый и послѣдовательный марксистъ, ссылаясь на историческую необходимость, доказываетъ, *) что возставать противъ имперіализма могутъ только утописты, марксисты же должны использовать его въ интересахъ рабочаго класса. Это значитъ вотъ что: германскіе соціалдемократы помирятся съ тѣмъ, что Германія такъ или иначе подчинитъ себѣ извѣстныя страны съ цѣлью ихъ экономической эксплуатаціи; но при этомъ ихъ партія добьется уступки германскому рабочему классу нѣкоторой части завоеванной добычи.

Это возвращаетъ меня къ Вашему письму. Вы ошиблись, сдѣлавъ изъ моей брошюры тотъ выводъ, что пролетариатъ *каждой страны* заинтересованъ въ торжествѣ имперіализма. Но, Вы правы, поскольку *пролетариатъ Германіи и отчасти Австро-Венгріи* извлекъ бы извѣстную выгоду изъ побѣды имперіализма. И вотъ у Васъ, повидимому, возникаетъ вопросъ: не ошибся-ли Марксъ? Не является ли крахъ втораго Интернаціонала въ то же время и крахомъ матеріалистическаго объясненія исторіи или, по крайней мѣрѣ, научнаго социализма?

Противники Маркса скажутъ (и говорятъ): «Конечно, — является». — Что пишетъ В. Черновъ? Онъ пишетъ: откройте Маркса и откройте Михайловскаго, къ которому полезно присовокупить В. Чернова, такъ какъ покойникъ все таки поустарѣлъ.

Но страшень сонъ, да милостивъ богъ: обойдемся и безъ Михайловскаго, а также — и еще того легче! — безъ В. Чернова.

Если Германія побѣдитъ, то она создастъ, насчетъ побѣжденных народовъ, исключительно — выгодное положеніе для своей промышленности. Такое исключительное положеніе, несомнѣнно, принесетъ извѣстныя выгоды германскому пролетариату. По-

*) См. его брошюру: «*Parteizusammenbruch*» и его полемику съ Кауцкимъ въ «*Neue Zeit*», вызванную этой брошюрой.

положеніе извѣстныхъ слоевъ англійскаго рабочаго класса было сравнительно не дурно въ теченіе того періода, когда Англія пользовалась господствомъ на всемірномъ рынкѣ. Т. Куновъ знаетъ это, и потому настаиваетъ на «исторической необходимости» имперіализма. Знаютъ это и всѣ остальные германскіе социалисты — имперіалисты. А рабочий классъ *болѣе или менѣе смутно догадывается объ этомъ* — и храбро дерется «за существованіе Германіи». Это такъ.

Пока англійскій рабочий классъ чувствовалъ себя въ исключительно выгодномъ положеніи, онъ не имѣлъ никакого сочувствія «къ дикимъ планамъ (Wild schemes) континентальнаго социализма», какъ выражались нѣкоторые его вожаки. Если Германія побѣдитъ, и если въ карманы нѣмецкихъ рабочихъ перепадетъ нѣкоторая часть добычи, то германскій социализмъ будетъ «пересмотрѣнъ» (ревизованъ) до тла, и германскіе социаль-демократы заговорятъ такимъ языкомъ, котораго мы до сихъ поръ и не слыхивали. И, конечно, это будетъ крайне печально. Правильно говорить евангеліе: «Соль — добрая вещь; но если соль потеряетъ силу, чѣмъ исправить ее? Ни въ землю, ни въ навозъ не годится»...

Соль германской земли потеряетъ свою силу и не будетъ годиться ни въ навозъ, ни въ землю. Однако, вѣдь и это не опровергнетъ матеріалистическаго объясненія исторіи. Напротивъ, это подтвердитъ его, такъ какъ лишній разъ покажетъ, что не *бытіе* опредѣляется *сознаніемъ*, а *сознаніе* — *бытіемъ*.

Но изъ того, что сознаніе опредѣляется бытіемъ, еще не слѣдуетъ, что бытіе опредѣляетъ сознаніе пролетаріата въ сторону социалистическаго идеала. Такъ какъ духъ имперіализма проникъ въ среду нѣмецкаго пролетаріата, то «критики» Маркса скажутъ, пожалуй: объективная логика общественнаго развитія ведетъ пролетаріевъ всѣхъ странъ совсѣмъ не туда, куда хотѣлъ ихъ вести Марксъ; она заставляетъ ихъ не объединяться между собою, а вести взаимную борьбу на жизнь и смерть за всемірный рынокъ.

Вы, т. Н—новъ, предвидите это возраженіе «критиковъ Маркса»; оно какъ будто смущаетъ Васъ, и Вы хотите знать, какъ я думаю о немъ.

X.

Я думаю вотъ какъ.

То обстоятельство, что Марксъ вѣрно опредѣлилъ отношеніе бытія къ сознанію въ ходѣ историческаго развитія, — т. е. правильность матеріалистическаго объясненія исторіи, — дѣйствительно еще не ручается за торжество международнаго социализма. Чтобы оно явилось ручательствомъ за него, необходимо доказать

предварительно, что объективныя условія, воспитывающія современный пролетаріатъ въ духѣ *интернаціональной солидарности*, сильнѣе, нежели тѣ, подъ влияніемъ которыхъ въ немъ возникаютъ иногда *національно-эгоистическія* вождѣнія. Но доказать это не такъ трудно, какъ это кажется критикамъ Маркса.

Нѣмецкій пролетаріатъ поддался искушенію тѣхъ выгодъ, которыя сулитъ ему торжество германскаго имперіализма. Стало быть, — умозаключаете Вы, — экономическій интересъ заставилъ его повернуться спиною къ международному социализму. Вашъ выводъ неправиленъ. Однако, не надо преувеличивать его значеніе.

Въ маломъ размѣрѣ и въ нѣсколько иной общественной обстановкѣ то, что мы увидѣли на примѣрѣ нѣмецкаго пролетаріата, повторяется передъ нами чуть не каждый день, ни мало не подрывая нашей вѣры въ будущее торжество социализма. Возьмемъ тѣхъ рабочихъ, которыхъ нѣмецкіе социаль-демократы клеймятъ названіемъ Streickbrecher'овъ.

Измѣняя своимъ товарищамъ, Streickbrecher'ы, конечно, получаютъ извѣстныя выгоды. Но что же изъ этого? Ихъ измѣна ни мало не устраняетъ противоположности интересовъ наемнаго труда и капитала, а потому и не вырываетъ почвы изъ подъ ногъ социалистической партіи. Чѣмъ дальше подвигается впередъ экономическое развитіе нынѣшняго общества, тѣмъ яснѣе сознаетъ пролетаріатъ свое положеніе въ немъ, тѣмъ лучше организуетъ онъ свои силы и тѣмъ глубже возмущаютъ его дѣйствія Streickbrecher'овъ. *А чѣмъ глубже возмущаютъ его ихъ дѣйствія, тѣмъ рѣже они становятся.* Неудовольствіе рабочихъ противъ тѣхъ своихъ товарищей, которые измѣняютъ общественному дѣлу, само обуславливается *экономикой* нынѣшняго общества. И въ то же время оно служитъ однимъ изъ самыхъ могучихъ средствъ *самовоспитанія пролетаріата*.

Печальное явленіе обыденнаго Streickbrecher'ства отнюдь не колеблетъ основательности научнаго социализма. Не колеблетъ ее и еще болѣе печальное явленіе того Streickbrecher'ства des grossen Styls, которое практиковалось, когда-то верхними слоями англійскаго рабочаго класса, а теперь будетъ, пожалуй, практиковаться пролетаріатомъ Германіи.

Исключительное положеніе, которымъ пользовался англійскій пролетаріатъ въ то время, когда Англія господствовала на всемірномъ рынкѣ, замедлило процессъ развитія его классового самосознанія. Но оно не остановило развитія самосознанія пролетаріата въ остальныхъ капиталистическихъ странахъ. Именно въ это время возникъ Интернаціональ, положившій въ основу своей «внѣшней политики» простые законы нравственности и

права. Есть ли основание думать, что исключительное положение германскаго пролетариата, которое было бы создано побѣдой Германіи, *повсюду* остановило бы распространение идей Интернаціонала? — Нѣтъ.

Конечно, если побѣдитъ Германія, то Европѣ придется плохо, а въ европейскомъ социализмѣ «властителями думъ» станутъ на время Зюдекумы, Гейниши, Гейне, Кварки, Шейдеманны и пр., имъ подобные, товарищи. Но кромѣ Европы есть Америка, есть Азія, въ которыхъ капитализмъ дѣлаетъ быстрые успѣхи. Побѣда Германіи, безспорно, *замедлитъ* распространение идей революціоннаго социализма, даже и въ другихъ частяхъ свѣта, но *остановить его совершенно* она не можетъ по той же причинѣ по которой она не можетъ повернуть назадъ колесо экономическаго развитія.

Если тѣ выгоды, которыя получить германскій пролетариатъ отъ своего колоссальнаго Streickbrecher'ства, сдѣлаютъ его слѣпымъ по отношенію къ *общему интересу пролетариата въ его всемірномъ цѣломъ*, то вѣдь этотъ интересъ не перестанетъ существовать. А если онъ не перестанетъ существовать, то не перестанетъ и проникать въ умы пролетаріевъ другихъ частей свѣта, — если уже суждено европейскому социализму замереть въ желѣзныхъ лапахъ германскихъ имперіалистовъ, — сознание той истины, что они не могутъ освободиться иначе, какъ посредствомъ дружнаго объединенія своихъ усилий на почвѣ международной солидарности. А чѣмъ сильнѣе будетъ проникать въ умы рабочихъ это сознание, тѣмъ больше будутъ они возмущаться какъ малымъ, такъ и большимъ Streickbrecher'ствомъ. И это ихъ возмущеніе будетъ служить не только средствомъ дальнѣйшаго воспитанія тѣхъ изъ нихъ, *которые не повинны въ Streickbrecher'ствѣ, и страдають отъ него*, но также и средствомъ отрезвленія тѣхъ, *которые его практикуютъ*.

Да и можетъ ли быть очень продолжительнымъ Streickbrecher'ство германскаго пролетариата? Вполнѣ ли былъ основателемъ («gründliche») тотъ «разсчетъ» которымъ опредѣлилось нынѣшнее поведеніе «большой» с. д. партіи? Есть выгоды и выгоды. Прочны ли тѣ, которыя приобрѣтаются посредствомъ Streickbrecher'ства?

Нѣкоторые слои англійскаго рабочаго класса получили выгоду отъ того исключительнаго положенія на всемірномъ рынкѣ, которымъ пользовалась Англія въ теченіе извѣстнаго періода. Но за эту выгоду англійскій пролетариатъ заплатилъ слишкомъ дорогой цѣной. Она замедлила развитие его классового сознанія, т. е. ослабила его позицію въ борьбѣ съ господствующими классами. *Нынѣшнее положеніе* англійскаго пролетариата далеко не

такъ благоприятно какъ оно могло бы быть если бы въ развитіи его самосознанія не произошло указаннаго замедленія. Въ послѣднемъ счетѣ, онъ гораздо больше *проигралъ*, нежели *выигралъ* отъ своего исключительно выгоднаго положенія. Тоже будетъ и съ германскимъ пролетариатомъ, *если* осуществляются планы германскихъ имперіалистовъ. Это — съ *экономической* стороны. А съ *политической* оно обстоитъ еще хуже для германскаго пролетариата.

Лѣтъ семнадцать тому назадъ Вольфгантъ Гейне, вдохновленный только что начавшимся тогда «пересмотромъ Маркса», выдумалъ формулу: «*Kanonen gegen Volksrechte*». Она означала, что социаль-демократы будутъ голосовать военные кредиты, — дадутъ правительству *пушки*, — а правительство дастъ имъ за это «*народныя права*». Эту формулу усвоилъ себѣ покойный Франкъ; ее усвоилъ себѣ Зюдекумъ; ее усвоило себѣ большинство германской социаль-демократіи. Наши нѣмецкіе товарищи даютъ своему правительству пушки съ помощью которыхъ опустошается Бельгія, Франція, Польша. И они довѣрчиво ожидаютъ, что въ обмѣнъ на пушки, правительство одаритъ народъ «*правами*». У нихъ гора сваливается съ плечъ, когда они представляютъ себѣ, что теперь уже не нужно будетъ дѣлать массовую стачку, (которая портитъ организацію), напримѣръ, для завоеванія всеобщаго избирательнаго права въ Пруссіи: право это будетъ дано имъ въ награду за кровавый трудъ удушенія Польши, Франціи, Бельгіи. Но они обманываютъ себя несбыточной надеждой. Пушки данныя германской социаль-демократіей нѣмецкому императору, очень пригодны для угнетенія другихъ странъ. Но не менѣе пригодными покажутъ онѣ себя и въ дѣлѣ угнетенія Германіи. Народныя права не приобрѣтаются въ обмѣнъ за пушки. Народныя права разстрѣливаются пушками, попадающими въ руки императоровъ...

Германскіе консерваторы уже теперь поговариваютъ, что не слѣдуетъ уступать требованіямъ демократіи. А что мы услышимъ потомъ?

Рабочій классъ Германіи какъ будто уже начинаетъ, — правда, *только — только еще начинаетъ*, — сознавать, что его вожаки ошиблись въ разсчетѣ. Въ его средѣ возникаетъ, — правда *только — только еще возникаетъ*, — оппозиція политикѣ имперіалистическаго социализма. Надо надѣяться, что германскія правящія сферы сдѣлаютъ съ своей стороны, все возможное для упроченія и ускоренія роста этой оппозиціи.

Наконецъ, вѣдь мы еще не знаемъ, побѣдитъ ли Германія. Твердое намѣреніе пролетариата воюющихъ съ нею странъ бороться до конца, позволяетъ думать, что на этотъ разъ герман-

скому императору не придется украсить себя лавровымъ вѣнкомъ. Вѣсма вѣроятное вмѣшательство Италіи еще больше увеличитъ шансы избавленія Европы отъ грозящаго ей ига германскаго имперіализма. А вмѣстѣ съ этими шансами будетъ увеличиваться также и вѣроятность отрезвленія нѣмецкихъ рабочихъ. Можетъ быть, гораздо скорѣе, чѣмъ мы этого ожидаемъ, нѣмецкіе рабочіе вспомнятъ золотыя слова Маркса о томъ, что у пролетаріата, — *сознавшаго свой классовый интересъ во всей глубинѣ и во всей широтѣ его истиннаго содержанія*, — не можетъ быть другой «внѣшней политики», кромѣ той, въ основѣ которой лежатъ простые законы нравственности и права. Тогда они содрогнутся, представляя себѣ всѣ тѣ кровавыя ужасы и всѣ тѣ дикія безчинства, которыми ознаменовалось вторженіе германскихъ армій въ сосѣднія страны. Тогда они прокликнутъ близорукую разсчетливость господъ «ревизионистовъ» и опять вернутся на почву Интернаціонала.

Сказать по правдѣ, я не знаю, какая встрѣча предстоитъ германскимъ социаль-демократамъ на томъ международномъ сѣздѣ, который созванъ будетъ современемъ для восстановленія Интернаціонала. Вѣроятно, — не весьма сердечная: вѣдь непріятно же пожимать руки, пахнущія кровью невинно-убитыхъ. Тутъ не помогутъ ни «ароматы Аравіи», ни позднія сожалѣнія. Но тутъ вполне уместно будетъ — подчиненіе *сердца разсудку*. Ради своего великаго дѣла Интернаціоналъ долженъ будетъ принять во вниманіе даже и запоздалыя сожалѣнія. Онъ долженъ будетъ сказать германскому пролетаріату, какъ говорить у Байрона ангель Каину, выражающему раскаяніе въ убійствѣ Авеля:

«Что сдѣлано, то сдѣлано.....

..... Пусть дѣла

Твои впередъ не будутъ сходны съ этимъ»....

XI.

Пролетаріатъ каждой отдѣльной страны существенно *заинтересованъ* въ томъ, чтобы давать сильный и своевременный отпоръ тѣмъ группамъ рабочихъ, которыя ради своихъ частныхъ выгодъ, измѣняютъ своему классу. Точно также всемірный пролетаріатъ существенно *заинтересованъ* въ томъ, чтобы давать своевременный и сильный отпоръ рабочему классу той или другой отдѣльной страны, — въ данномъ случаѣ Германіи, — когда онъ поступаетъ вопреки требованіямъ международной пролетарской солидарности. И чѣмъ яснѣе будетъ всемірный пролетаріатъ сознавать не только свою *конечную цѣль*, но и *условія, необходимыя для ея достиженія*, тѣмъ энергичнѣе и методичнѣе станетъ его борьба со Streickbrecher'ами

большого масштаба. Такимъ образомъ, борьба эта послужитъ мѣрой успѣховъ его самовоспитанія.

Скажу откровенно: тактика, которой социалисты нейтральныхъ странъ держались въ теченіи послѣдней войны, — показала, что процессъ самовоспитанія всемірнаго пролетаріата пока еще не подвинулся такъ далеко, какъ этого можно было желать и ожидать.

Наглядный примѣръ. Въ концѣ прошлаго года одинъ изъ самыхъ видныхъ и заслуженныхъ представителей итальянскаго социализма отстаивалъ въ парламентѣ тактику итальянской социалистической партіи въ военномъ вопросѣ. При этомъ онъ сказалъ, между прочимъ, что еслибы Италія находилась въ положеніи Бельгіи, то всѣ итальянскіе социалисты сочли бы себя обязанными защищать свою страну; но ей не грозитъ непріятельское нашествіе, и потому они требуютъ, чтобы она оставалась нейтральной. Допустимъ, что это было правильно съ точки зрѣнія интересовъ *итальянскаго народа*, хотя совершенно ясно, что германская побѣда даже и Италію поставила бы въ весьма невыгодное положеніе. Но я спрошу: гдѣ же *международная солидарность*? Неужели социалисту позволительно было вспомнить о Бельгіи исключительно только для иллюстраціи того соображенія, что «*наша (итальянская Г. П.) хата съ краю*» *).

При чтеніи иныхъ социалистическихъ органовъ нейтральныхъ странъ меня часто поражало сильно замѣтное въ нихъ желаніе непременно сохранить нейтральность даже *въ отзывахъ* о дѣйствіяхъ воюющихъ странъ. Желаніе это приводитъ подчасъ къ результатамъ, по истинѣ комичнымъ. Когда социалистическій нейтралистъ quand même видитъ себя вынужденнымъ осудить то или другое кровавое безчинство германской арміи, онъ, для *равновѣсія*, спѣшитъ прибавить, что и французская армія ведетъ себя не лучше. При этомъ онъ забываетъ, что французская армія ведетъ войну не на чужой, а на своей собственной территоріи и уже по одному этому лишена возможности сжигать чужіе города, грабить населеніе враждебной страны и т. п.

Старый интернаціоналист Ванъ—Коль рѣзко протестовалъ въ голландской социалистической газетѣ «Het Volk» противъ по-

*) Моя статья была уже написана, когда состоялось историческое засѣданіе итальянскаго парламента (20 мая). Устами Турати «официальные» итальянскіе социалисты заявили, что они требуютъ нейтральности, *поставляя чувствую международной солидарности*. Странно! Если я остаюсь «нейтральнымъ» при видѣ того, какъ одинъ человекъ душитъ другого, то я, можетъ быть, солидаренъ съ душителемъ, но ужъ совѣтъ не солидаренъ съ душимымъ.

зиции такихъ нейтралитетовъ. Онъ спрашивалъ, почему социалистъ долженъ молчать, когда его чувство справедливости оскорбляется нарушеніемъ международнаго права и уничтоженіемъ международныхъ договоровъ, какъ это было въ Бельгии. «Неужели, — говоритъ онъ, — мы не должны выражать свои симпатіи угнетеннымъ только для того, чтобы щадить угнетателей? Кто въ подобныхъ настоящему случаяхъ не протестуетъ всѣми силами души, тотъ самъ становится участникомъ преступленія, несетъ на себѣ отвѣтственность за совершаемая жестокости и можетъ быть обвиняемъ въ нравственной распущенности. — Подумайте объ этомъ, чтобы не переусердствовать въ стремленіи сохранить нейтралитетъ, который можетъ только повредить международному социализму» *).

Объ этомъ, дѣйствительно, стоитъ подумать. Товарищи, сохраняющие нейтралитетъ между угнетателями и угнетенными, навѣрно, очень почтенные люди. Но эти, — навѣрно, очень почтенные, — люди ставятъ себя въ совсѣмъ непочтенное положеніе тѣхъ нейтральныхъ ангеловъ, о которыхъ говоритъ Данте въ третьей пѣснѣ своего «Inferno» и которые не возставали противъ бога, но и не были вѣрны ему :

Degli angeli che non furon ribelli.

Ne fur fideli a Dio...

Этихъ нейтральныхъ ангеловъ не принималъ ни рай, ни адъ. По словамъ руководителя Данта, Виргилия, ими не стоило и заниматься :

Misericordia e giustizia gli stegna:

Non ragioniam d'ilor, ma guarda e passa**).

Такое положеніе совсѣмъ недостойно международныхъ социалистовъ, которые должны громче, нежели кто нибудь, кричать противъ угнетателей и энергичнѣе, нежели кто нибудь, отстаивать «*внѣшнюю политику*», основанную на простыхъ законахъ нравственности и права.

Кровопролитіе — жестокое и страшное дѣло. Нѣтъ ничего естественнѣе желанія прекратить его, т. е. способствовать заключенію мира. Но это желаніе не должно дѣлать насъ несправедливыми. Когда угнетенный вступаетъ въ борьбу съ угнетателемъ,

* Рѣчь No 88, 1915 г.

** «Ими пренебрегаетъ и правосудіе, и милосердіе. Не будемъ говорить о нихъ: посмотри и иди мимо».

тогда требовать заключенія мира между ними значитъ мириться съ угнетеніемъ ***).

Къ сожалѣнію, рабочій классъ нейтральныхъ странъ еще недостаточно уяснилъ себѣ это. Но то, что еще неясно понимается имъ теперь, будетъ понято имъ впоследствии. Процессъ самовоспитанія всемірнаго пролетаріата еще не закончился. Необходимо помнить это, отмѣчая тѣ, несомнѣнно достойныя сожалѣнія, ошибки и слабости, которыя сдѣланы или проявлены рабочимъ классомъ нейтральныхъ странъ въ теченіе нынѣшней войны. Будемъ надѣяться, что скоро онъ самъ замѣтитъ ихъ и окажется на высотѣ призванія ко времени созыва будущаго международнаго социалистическаго съѣзда.

Но какъ бы тамъ ни было, а война показала намъ совсѣмъ не то, что международный социализмъ не имѣетъ подъ собою твердой почвы, а только то и именно то, что всемірному пролетариату надо еще усердно поработать надъ самовоспитаніемъ. Кто считалъ его самовоспитаніе законченнымъ, тотъ былъ революціоннымъ утопистомъ, — хотя, можетъ быть, это разъ на день клялся Марксомъ, — и тотъ разумѣется, можетъ теперь поколебаться въ своихъ социалистическихъ убѣжденіяхъ. Скажу больше: поколебавшись въ нихъ, онъ покажетъ, что и ему не чужда логика. А кто свободенъ отъ фантастики революціоннаго утопизма, — всегда состоящаго въ близкомъ родствѣ съ субъективизмомъ, *) — тотъ, на основаніи опыта военнаго времени, скажетъ себѣ одно :

Сдѣланное нами, социаль-демократами, до сихъ поръ оставило глубокий слѣдъ въ умахъ рабочихъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ. Но то, что мы сдѣлали, оказалось недостаточнымъ ни для предупрежденія войны, ни для выведенія пролетаріата ней-

***) Корреспондентъ «Кіевской Мысли», г. Антидь Отто, говоритъ: «Молитва о мирѣ, которую Бенедиктъ XV предписалъ возносить небу въ католическихъ храмахъ всѣхъ странъ, въ воскресенье, 7 февраля, создала затрудненіе не одному только кардиналу Аметту. Папа хочетъ мира. Но какого мира хочетъ папа? Если римскій первосвященникъ стремится соблюдать полный нейтралитетъ, — нейтралитетъ между палачемъ и жертвой, по негодующему опредѣленію бельгійскихъ католиковъ, — то онъ долженъ принять во вниманіе, что требованіе мира какъ универсально оно не звучало, вовсе еще не означаетъ равнаго отношенія къ обѣимъ воюющимъ сторонамъ» (К. М. 1915, No 58). Мудрыя слова! Я вообще совѣтую товарищамъ постоянно читать корреспонденціи Антида Отто въ «Кіевской Мысли». По своему содержанію онѣ могутъ служить противоядіемъ (антидотомъ) публицистикѣ тов. Троцкаго и другихъ обскурантовъ (въ Гетевскомъ смыслѣ).

*) Оттого-то греззо-фарсы Ленина такъ похожи на чрезо-фарсы В. Чернова.

тѣхъ странъ на правильную тактическую дорогу. Это значитъ, что намъ нужно удвоить, утроить, учетверить свои усилія и постараться сдѣлать ихъ гораздо болѣе планомѣрными, чѣмъ они были до сихъ поръ. Вотъ только и всего !

Можетъ быть, наша конечная цѣль дальше отъ насъ, нежели мы думали. Если это, въ самомъ дѣлѣ, такъ, то намъ непремѣнно придется считаться съ этимъ въ своей тактикѣ. Но все таки это ровно ничего не говоритъ противъ достижимости нашей конечной цѣли. Будемъ же работать, помня, что до Палестины удалось добраться не тѣмъ крестоносцамъ, которые, по своему невѣжеству при видѣ каждаго новаго города готовы были кричать : « Іерусалимъ ! Іерусалимъ ! », а тѣмъ, которые знали географію.

Однако, давно пора кончать.

Жму Вашу руку, т. Н—новъ.

Вашъ Г. Плехановъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе.	3
Современная война и социалисты. Л. Дейча.	5
Еще о войнѣ. Г. Плеханова.	11
Изъ области экономики. П. Дневницкаго	49
Оборона или поражение? Марка З-ра	62
Марксъ и Энгельсъ въ ихъ отношеніи къ войнѣ 70-го года Иды Аксельродъ.	75
Женская Соціалистическая Конференція въ Бернѣ. В. Ольгина.	84
Война и кавказскіе социальдемократы. К. Кахели.	91
Съ кѣмъ большинство? Г. Алексинскаго	97